

О.Щетинин

Н.КРАМАРЕНКО

18+

Дорога домой

18+

Наталия Крамаренко

Дорога домой

«Автор»

2026

Крамаренко Н.

Дорога домой / Н. Крамаренко — «Автор», 2026

Продолжение книг «Гриф "ОДЧ" (Опасно для человечества)» и «Последний Первый». Поиск, который длился почти пятьсот лет, завершён. Марк Гомаро возвращается домой, а Тиму и Инге только предстоит узнать, где их настоящий дом. А это сложно, ведь стоит один раз попасть в поле зрения спецслужб, и ты останешься там навсегда. Поможет или помещает героям тот факт, что их привлекли к очередной секретной операции? Привлекли Или они вызвались сами? Потому что есть дела, которые нельзя оставлять недоделанными. Адмиралтейство Теллура и Комитет безопасности Марса, наёмники с Дантея и неизвестные чужаки, новые друзья и старые проблемы Что вспомнит Тим, попав на Марс? Что найдёт Инге, вернувшись на Нову-17? И узнает ли Матвеев, где водятся дикие перепела?..

© Крамаренко Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Марс	8
Тим Найдёнов	13
Инге Сонел	18
Том Том	23
Адмирал Базиль Номбрилли	28
Тим Найдёнов	30
Инге Сонел	35
Тим Найдёнов	38
Инге Сонел	44
Тим Найдёнов	49
Инге Сонел	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Олег Щетинин, Наталия Крамаренко

Дорога домой

Порядок чтения:

«Дело 581/14 – Опасно для человечества»

«Последний Первый»

«Дорога домой»

Дорога домой

Тянули дыры чёрные лассо,
Закручивали в бездну невозврата
Того, кто рвался в яростный бросок,
Того, кто грезил полночью крылатой:

Вперёд и вверх — сквозь занавес Вселенной
И убеждений шаткие столбы,
Сквозь страх и смерть — к надежде вдохновенной,
Дарующей энергию борьбы.

Из льда и жара — в рёве горних труб,
Из точки, где фиаско и триумф
Равны, как жребий, выбитый на стали

Монеты, начинаются пути
К мирам, где у простора запаerti
Сверкали грани солнечных медалей.

Екатерина (Ви.) Тавлинкина

С учётом теории переноса информации, высказанной заместителем начальника информационного отдела МУКБОП¹ профессором С.И. Павловым, авторы допускают, что некоторые известные названия, аббревиатуры и т.д. впервые были использованы в литературе ряда смежных миров Мультивселенной. Тем не менее, все совпадения с реальными или вымышленными персонажами, организациями и/или событиями абсолютно случайны.

¹ Межпланетное управление космической безопасности и охраны правопорядка. Это название, как и название спецподразделения «снежные барсы», заимствовано из романа С.И. Павлова «Лунная радуга».

Пролог

– Уходим, капитан!

– Идиот! Ты не понял?! Этот придурок навёл нас на марсиан, это Драконы! Нельзя оставлять свидетелей! Теперь если кто узнает...

Выбор был невелик: вынырнуть из «тени» и атаковать марсианский штурмовик, побитый, конечно, но с драконом на борту – как минимум, одним очень злым драконом. Или отстать и свалить по-тихому. Но тогда... Если одно нападение на свой корабль они, может, и простят... Ну, как – простят? Оторвут головы виновникам и успокоятся... то вот после второго такого наезда разбирать правых и виноватых никто не будет. Нет, надо брать марсианина, и вдобавок убедиться, что живых свидетелей не осталось.

– К бою! Несомые у него кончились, боезапас на нуле, просто подойти и расстрелять.

– Принято, капитан. Первый принял.

– Канонир принял, готов.

– Начали, господа.

Капитан знал, что сейчас вокруг его корабля по пространству пошла рябь, как в ненастроенном гало. Неприятный момент. Поля невидимости – «тень» – хороши, не зря он столько денег вбухал в апгрейд рейдера, но стоило начать движение с ускорением, как поле мгновенно вспыхивало переливами красок. Любой атом вещества, проходя «тень», вызывал её свечение, а пространство пустое только в голове у человека, далёкого от реального космоса. И если в обычной обстановке можно надеяться на маскировочную покраску с поглощающими добавками и рассчитывать, что противник не наблюдает твой сектор, то когда ты сияешь на полгаллактики, шансы остаться незамеченным стремятся к нулю.

– А похоже, парни сильно побили марсианина, он нас не заметил.

– Хорошо, коли так, – почему-то с каждым мгновением идея нравилась капитану всё меньше и меньше.

Тиасс Шан знала, что её не видят, зато она не просто видела, она *чувствовала* схватку. И это было... прекрасно. Жестокая и холодная эстетика, доступная только истинному воину.

Раздвоенный язык быстро облизнул нос в предвкушении. Бой на малых скоростях – это искусство, танец, а не простое общение с программой. «Ахршшш... Жаль...» – она с удовольствием сошлась бы с любым из кораблей беглецов. Дрались они превосходно – бойцы, достойные сразиться с шаншаах. Серьёзный, очень серьёзный противник. Но она об этом никому не скажет. Она просто выполнит приказ.

Приказ врага.

Маршалы думали, что покорили их – таншаах, как они переименовали имя её народа. Воспитали, как хотели, переломали под себя. Они даже не предполагали, что голос каждого ушедшего предка звучит в памяти любого шаншаах. Дети, которых Гвардия вывезла с планеты, знали, что случилось с их родителями. И этого простить нельзя.

Так что Тиасс выполнит приказ врагов. Выполнит – и поможет им сделать ещё один шаг за край.

Она активировала излучатели и заложила манёвр, с наслаждением ощущая биение нерва Тан. Здесь – сейчас – складывалась в новый узор судьба мира.

– Канонир. Один залп.

– Принял, кэп. Только выведите меня на вектор.

– Готов...

Капитан не договорил. Взгляд выхватил сработавший индикатор кормовых щитов, по нейросети донеслось начало удивлённого «Какого...» дефлекториста, рука на пульте стала прозрачной, как на медсканере... Но понять, что это значит, он уже не успел.

– Игрок за столом, моя раздача! Конец связи!

«Наш фрегат давно уже на рейде,
Борется с прибрежной волною,
Эй, налейте, сволочи, налейте,
Или вы поссоритесь со мною!»²...

² Песня Ю. Зыкова

Часть 1. Марс Инге Сонел

Мир, оказывается, такой огромный! И страшный. И интересный очень. В нём не только наша Вселенная, но ещё и куча других миров, и все они связаны между собой, и как-то можно из одного в другой попасть... Но мне пока этого мира хватит, я здесь ещё столько всего не видела! Да и страшно, если подумать. Так что не завидую я ни Хелен, ни Нику. Вот ни капельки.

А на море мне очень понравилось. И море, и то, что Тиму море нравится, и хатоны, и их мохнатые лошадки... И даже лес, но только если в глубину не соваться. И вот удивительно: и лес живой, и море живое, а как-то совсем по-разному. Море – оно родное и понятное, хотя я никогда его раньше не видела. А лес... В общем, он странный и я его не понимаю. Вот.

А ещё мне очень понравилось, что доктор Мак и вправду взялся меня учить. Он мне даже *книгу* подарил! Старинную. Из местной бумаги. «Анатомия разумных». Я не знала, как такой дорогой подарок принять, но тут и отказываться нельзя: я про этикет хатонов в Сети уже посмотрела.

– Это первый шаг, чтобы перестать быть ремесленником, – сказал доктор Мак, когда мне книгу отдал. – Обратите внимание, Инге, мы отличаем анатомию и вообще устройство животных от разумных. У нас с вами есть отличия от обычных человекоподобных существ, неразумных. И это не только мозг и руки.

– Но что тогда главное? Сознание?

– Да. Если я получу рану, я могу терпеть боль, я могу уменьшить ток крови и тому подобное. У нас есть желание жить, осознанное, и оно влияет на многое. Также, как иногда бывает и желание умереть.

– Уменьшить ток крови?! Просто усилием воли? – вот про такое я ни разу не слышала.

– Да. Наше сознание куда сильнее, чем вы, бесшёрстные, привыкли думать...

Не, то, что сознание – штука мощная, я уже поняла. Ага, пообщаешься с псиониками, никаких сомнений не останется. Но хатона послушать, так этому любой может научиться. Значит, и я тоже? Жаль, что такие его рассуждения я очень быстро понимать переставала. Я уже знала, в чём дело: всё-таки у нас культуры разные и всё такое. И у хатонов очень много на Учение Предков завязано, ихнее. А я в нём, естественно, не разбираюсь. Вот.

Но доктор Мак не только всякие теории излагал. Сколько я под его руководством померанцев извела, это же просто жуть! Народ на базе смеялся, что фруктовый сок уже скоро консервировать придётся. Тут в чём дело? Померанец – это фрукт такой, вроде как с Терры, но к здешним условиям приспособившийся. Он внутри мягкий, сочный очень, сладкий и кисленький немножко, но главное – его шкурка по плотности и фактуре почти как кожа. Доктор Мак так сказал. И я на этих бедных фруктах училась обычные уколы делать, без инъектора, *шприцом*... или шприцем?.. а ещё швы накладывать. Ну, то есть шкурку надрежу и шью. А мякоть куда? Правильно, на сок. Тим сказал, что он скоро померанцевый сок возненавидит. Ага, а на деле пил только так. Но я всё равно не представляю, как можно человека зашивать. А с другой стороны, припрёт – и буду шить, как миленькая.

Ну вот, а потом со мной связался Игрок, и я с первых слов поняла, что наш отдых кончился, потому что появилось какое-то дело. Он в детали не вдавался, но ясно, что речь о чём-то серьёзном пойдёт. Так что мы со всеми попрощались и в город вернулись.

В Виль-де-Ноэль мы к вечеру прилетели, на следующее утро к Игроку зашли, и он задачу изложил. Надо груз на Марс доставить. Вроде бы всё просто, но дело в том, что про этот груз

ходят всякие слухи... И только он это сказал, я сразу всё поняла. Похоже, никак эта история не закончится. Ну, с сокровищем Странников и бабушкиным кораблём. И я вообще вдруг подумала: а если это сокровище бабушка нашла, то оно, выходит, моё? По этому... По наследству? А с другой стороны – на фига мне такое счастье? Уже сколько людей из-за него погибло... Нет уж, пусть Марс забирает, коли так. Я уже поняла, что много денег – ну, чтобы корабль проаппрейдить, дом снять и всё такое – это хорошо. А когда *очень* много денег, то сплошные проблемы начинаются. Вот бабушкин штурмовик заполучить было бы круто, это да. Хотя опять вопрос: куда мне два корабля?..

В общем, с этим грузом проблема была в том, что все, кому надо – вернее, как раз *не* надо – уже знают, что он у Игрока. Но ещё они знают, что Игрок этот груз никому не доверит.

Я даже не колебалась ни секундошки:

– Мы отдельно пойдём? – мне, честно сказать, так спокойнее было бы. Но Игрок головой покачал:

– Я думал. Нет. Слишком много швали набралось. Они все наши корабли пасти будут.

Тут моя очередь настала головой качать. Как-то это перебор, по-моему, получался. Как можно отследить все корабли Братства? А потом поняла: отслеживать-то надо не все, а только те, в ближайшее время с Теллура уйдут. Но всё равно много получается... С другой стороны, мы с Тимом уже вовсю засветились как друзья Игрока и его экипажа. А Игрок словно мысли мои прочитал:

– Похоже, – говорит, – завелась у нас крыса. Да не одна, и не только у нас. Свою мы вычислили. Но кто-то ещё на дальсвязи сидит. Сидит и сливает данные. Куда не надо. Пустить вас в обход? Вас там перехватят и грохнут. Группу «Памяти» завалили. Трёх Драконов. Вас и подавно. Самое надёжное: провести вас, а самим бой навязать.

Дальше я спорить не стала. В этом бизнесе я... да никто, считай. Ни знаний, ни опыта. Так что раз Игрок решил, что так лучше будет, значит, так и сделаем. И начали прикидывать, что и как. У меня сразу план нарисовался. Тим, как услышал, что я предлагаю – думала, убьёт. Но Игроку идея понравилась.

– Я, – говорит, – и сам думал что-то такое проверить. Только смотрите, никому ни слова. Я знаю, что не я инфу сливаю. Не Зар с Экой. Не наши девочки и не Игорь. Не Рой. За остальных не скажу. Чем меньше народу знает, тем лучше. И самое главное запомните. Выходите из гипер – и сразу на второй прыжок. Нас не ждёте. Вас, конечно, просчитать попробуют. Но у вас комплектация неклассовая, могут промахнуться. Координаты второго прыжка я вам скину. Там наши ждать будут. А вы вынырнули, сигнал на Марс подали, и снова в прыжок. К Солнечной. Там встретят уже Драконы. И главное, ребята. Сердечно вас прошу. Не тормозить. Что бы за спиной ни происходило, сматывайтесь. Мы на вас завязаны. Вы в гипер, мы сваливаем. Но не раньше.

Ну и напоследок Игрок сумму вознаграждения назвал. И вот тут я и поняла, насколько всё серьёзно. Выходило, что мы тот дом, который сейчас арендуем, можем выкупить спокойно. И участок тоже. Я уже решила: я там розы посажу. Свою-то розу, которая у меня на мостике в горшке жила, я угробила, когда мы рванули лайнер спасать. Такие перегрузки ни одно растение не выдержит. Я её на разгоне-торможении в контейнер специальный ставила, а тут забыла просто. Жалко было до слёз. Но если это жертва Эрзули, тогда всё нормально. Лучше миллион цветов, пусть самых красивых и редких, чем один человек. Вот правда. А тут всего-то роза в горшочке...

И раз нас ждёт серьёзный и опасный рейс, то и готовиться надо серьёзно. Во-первых, нельзя ничего недоделанного оставлять. Но тут просто, всех обязательных дел – узнать, как там Моник и Мали. У них всё хорошо было, обе уже здоровы, в порядке и, кажется, подружались. Хотя Моник здорово за своего шефа переживала. Оттого, что он всё ещё в больнице,

в психиатрическом отделении, и оттого, что должность его заняла. «Я, – говорит, – конечно, хотела стать шерифом, но не так!»

Ну а во-вторых, надо было всерьёз заняться «Аладой». И не только технической стороной.

А в последний день на Теллуре, даже уже под вечер, к нам Игорь зашёл. Принёс кристалл с записью сигнала для Марса и два комбеза, на меня и на Тима. Чтобы было на Марсе в чём ходить. Они странные такие, намного плотнее подсафандрового комбинезона, но на полноценный скаф не тянут. И тёплые очень, это даже на ошупь понятно. Негерметичные вроде, но капюшоны с липучками, поверх маски обжать можно плотно.

– Это для начала, – Игорь сказал. – Потом лучше местными обзавестись.

– А на Марсе везде так ходят?

Я, честно говоря, думала, что на Марсе можно без скафа обойтись. Ну, по словам Тима. Что там что-то вроде Теллура, только сухо очень и лесов поэтому нет. А оно вон как, оказывается...

– Нет, в городах – как везде. Ну, почти. А на поверхности или так, или в скафе, – это Тим сказал. А Игорь объяснил:

– В этой одежде вся хитрость во влагоизоляции. Когда надеваешь капюшон и маску, то не испаряешь влагу. У нас мало животных, но все, что живут на поверхности, очень любят пить, а кому-то и для размножения влага нужна. А ты на девяносто процентов состоишь из воды.

Как-то прозвучало это... Здесь, на Теллуре, в лес не ходи – отравишься или сожрут. В степь не ходи – пиявки нападут. В море далеко не уплывай – спруты и прочие ящеракулы или как их там слопают. А на Марсе – вообще влагу не выдыхай, напрыгнут и... высосут всё, так, что ли? Вот на Тиране меня никто съесть не пытался... Да, никто. Только если бы не Тим, представить страшно, сколько бы я там проблем на свою голову нашла! А Игорь дальше объясняет:

– Поэтому всегда в капюшоне и маске. Если захочешь ощутить Марс, то в зонах отдыха можно снять капюшон. Там ни ежей, ни медуз нет. Вернее, как правило, нет, так что всё равно зевать не надо. Впрочем, на поверхности у вас будет сопровождающий. Можно и без него, но поначалу советую не пренебрегать.

Вот тут я не удержалась:

– Тим, ты же говорил, что там хорошо! А там, получается, тоже толпами бродят желающие меня сожрать?!

А эти двое переглянулись и ржут.

– Да... Хорошо...

– Но недолго, да? – и сама не знаю, сердится или тоже смеяться с ними за компанию.

– Кстати, ёжики тебя не сожрать хотят, это не местные пиявки. Им для размножения влага нужна. Они обычно семечки во влагосодержащую породу откладывают, но им по большому счёту не важно, человеческое это тело или пористый камень. Они разницы не видят.

– А я в путеводителе прочитала...

Игорь с Тимом опять смеются:

– Меньше этой писанине верь. Нет, там местами дельные вещи написаны, а местами – чушь полнейшая. Лучше самой всё увидеть.

– Там много оазисов. И красиво. А какие краски... Таких красок нигде нет больше, – гляжу, Тим опять поплыть готов. Я его в бок ткнула:

– Нет, нам точно надо туда. Разбираться. А то мне уже страшно, как тебя каждый раз уносит куда-то, стоит про Марс хоть что-то сказать!

А он на меня глянул и говорит:

– А как хорошо в парке Олимпа...

Но вот тут я почувствовала, что он уже в руки себя взял и дразнится. Так что просто спросила:

– В парке? Но ты же говорил, что Олимп законсервирован!

– Город внизу, под землёй. А парк наверху. Ну как, парк... Фонтан, плющ с цветами, музыка...

– Фонтан? А местное зверьё?

– Там для них *слишком* влажно. Много воды – тоже плохо. Некоторые от неё погибают.

И тут Игорь влез:

– И часто ты там музыку слышал?

– Часто.

– Ну, ты даёшь... – у Игоря лицо такое странное сделалось, что я поняла: с этой музыкой всё не так просто. Ну и спрашиваю:

– А что это значит?

– Да понимаешь... Музыку включает сам Олимп. Город, который законсервирован. Это даже не город, а база Первых. Просто так сложилось, что его городом называют. Говорят, так с нами предки общаются. С марсианами.

Вот уж не было печали! Ещё одна загадка на нашу голову. Нет, так-то оно интересно, но понятно же, это всё с Тимом как-то связано!

– То есть если он включает музыку, то хочет общаться типа? – спрашиваю. Игорь головой покачал:

– Нет. Не хочет, а *общается*. Но это легенды. Скорее всего, это компьютер. Но...

И тут я поняла, что сейчас просто завизжу:

– Бр-р-р! В смысле – с марсианами? Что значит – не хочет, но общается? Вы, двое, вы меня уже вконец запутали!!!

В этот раз они не засмеялись, только Тимка меня сгрёб и в макушку чмокнул. А Игорь объяснил, серьёзно так:

– Олимп просто включает музыку. Увидел хорошего человека – и включил. Чтобы приятно было. А кто-то говорит, так Михалыч развлекается. А потом слушает, о чём мы судачим.

– Да вы издеваетесь! Что за Михалыч?!

– Последний Первый. Вернее, последний *живой* Первый. Перед консервацией он ушёл вниз. Сказал, с друзьями остаться хочет. Мол, вы уже выросли, без нас справитесь, а за базой следить надо.

– Всё. Я уже вообще ничего не понимаю. Что значит «последний живой Первый»?

– Ты вообще про Первых знаешь?

– Ну да. Это могучие лоя, ваши предки.

– Лоя?... А, ты рассказывала, – Игорь кивнул. – Знаешь, вполне может быть. Так вот, почти все Первые погибли во время Сумерек и Зари. Когда создавали мемориал, Михалыч, главный врач базы, оставался последним живым Первым. Но вообще Последним Первым называют другого человека. Марка Гомаро, единственного Первого, о судьбе которого ничего не было известно. И всё это время его продолжали искать.

Ох, что-то как-то странно Игорь последнюю фразу произнёс! Что-то он знал или подозревал такое... Ну да ладно. Пока рассказывает – буду слушать, если что, потом спрошу.

– То есть то, что Тим говорил про группу «Память» – правда?

– Да. Наши предки поклялись найти и вернуть домой всех. Кого можно. Понятно, что если в истребитель попала ракета, или в корабле взорвался двигатель, ничего не останется. Но всех, кого могли, действительно нашли. Они все упокоены в Олимпе. Кроме Гомаро. Но теперь... Прости, боюсь сглазить, – Игорь помолчал и добавил: – Просто Первые – они были первыми во всём. Первые пришли, построили первый город, первыми пошли в бой. И гибли первыми. Прилетите, вам всё расскажут. Тайны в этом нет.

– Ясно... Звучит... гордо. И печально.

Я на Тима посмотрела, а он сидит, задумался, так глубоко, что вроде как уже и нас с Игорем не слушает. И мне вдруг за него страшно стало, словно вот-вот случится что-то, и я его потеряю. Я не выдержала, к нему прижалась, Тим улыбнулся, обнял меня, погладил:

– Ты чего? – говорит.

– Всё нормально?

– Да. Просто задумался.

– Не знаю... Я испугалась чего-то...

– Не бойсь. Прорвёмся.

– Ага.

И как ему объяснить, что я вовсе не лететь боюсь! То есть боюсь, конечно, но за него мне куда страшнее...

Тим Найдёнов

Как пелось в какой-то старой песенке с Марса, у нас в пехоте её очень любили: «Всё, дело сделано, сейчас взорвутся мины, взлетит на воздух этот чёртов склад...». Не то чтобы память у меня плохая, просто целиком я её толком не слышал. Да, дело сделано, осталось плюнуть и растереть: добраться до Марса, а это знаете ли, та ещё проблемка. Нет, технически всё просто, два-три прыжка и всё. Но вот груз...

Игрок нам сосватал три контейнера. В одном были останки марсианина из группы «Память», Павла Зотова. Я его лично не знал, но слышал о нём и пару раз видел. Хороший парень, жаль его. Но у марсиан своё представление о жизни и смерти, странное, на неисклещённый взгляд. Нет, они не готы, как в тиранской секте, которые считают, что вся жизнь – это подготовка к встрече со Смертью. Они просто живут по принципу: делай что должен, и будь что будет. А ещё – что жизнь надо прожить так, чтобы о тебе помнили. И Пашу, похоже, будут помнить. А вот что в двух других контейнерах, я не знаю, но кипиш вокруг них поднялся нехилый. Я слышал та-акие байки, что закачаешься. Верхом всего были разговоры, что в них синтезатор Странников, который может создать, что душа пожелает: хоть тета-феррит, хоть марсианских устриц. Из-за этого сокровища вся эта каша тут, на Теллуре, похоже, и заварилась, а не из-за тета-феррита, как Салли решила. Короче, нас ждал тот ещё полётник. А если учесть, что именно моя ненаглядная с Игроком на пару удумали... Правда Игрок и сам летит, собирается взять основной удар на себя: все знают, груз у него. Но всё равно... Вот точно дождётся, неугомонная, выпорю когда-нибудь. В воспитательных целях.

Следующие пару дней не продохнуть было. Корабль у нас уже в доках Братства стоял, но проверить-то всё равно надо! Движки, связь, вооружение... Первое – это на Инге, как и навигационное оборудование и много чего ещё, а вот оружие, защитные поля и иже с ним – это моя работа. Мне всем этим заниматься, случись что. А оно точно случится, зная нашу везучесть, гарантировать могу.

Потом Инге решила провести обряд наречения и благословения корабля. Название-то она давно придумала, и в документах оно везде было, но одно дело – официоз, и совсем другое – традиции. Я не суеверный, но такие обряды есть везде: на Марсе, на Терре, на Теллуре. И не только у флотских. Причём иногда такие, что любой нормальный человек у виска покрутит. У нас в пехоте, это называется «сбросить балласт». Получаешь новый боевой скаф, отлаживаешь его, потом отмечаешь это с корешами, а дальше лезешь в его нутро. Проверить систему жизнеобеспечения и сбросить балласт, а попросту – погадать. И в этом, между прочим, есть смысл, и очень важный. Эта система в скафандре завязана на жизнеобеспечение, а если с ней что не так, ты, скорее всего, труп. Боец в своём скафе проводит даже не часы – дни, а иногда и недели. И часто во враждебной среде, где твой пот и, простите, моча, на вес золота. Потому что – вода... У меня и личные приметы и обряды были. Если не дам сержанту в зубы, обязательно на операции какая-то задница случится. Он и сам это знал, поэтому всегда меня задирал. Так что к предложению Инге окропить палубу кровью я только и спросил, сколько надо. У меня её не безграничное количество, но по любому, лучше сейчас потерять сто граммов, ну, литр, чем потом – всю. Короче, достали мы ножи и полоснули себе по рукам, роняя капли на палубу. Как потом Инге сказала, обряд прошёл в штатном режиме, и «Алада» теперь не только её, но и меня знает. Ну и чудненько.

«Алада», кстати, в реестрах как рейдер значится. Инге с горящими глазами рассказывала, что нам поменяли. Хорошо звучало. Внушительно. Посмотрим, как в деле будет. Хотя старый маршевый движок вместо тормозного – перебор, на мой взгляд. Но Инге объяснила:

– Я теперь знаю, с чем сравнивать. Это когда ты с трамплина прыгаешь и в водуходишь, – ага, знает. С таким писком и визгом прыгала с трёхметровой, с позволения сказать, вышки, что всю живность в радиусе десяти километров распугала. – Пространство само корабль тормозит. Это долго. А так – врубаем принудительное торможение – и вперёд. Оверштаг-то я давно рассчитала, как на «Аладе» сделать, но вот получится ли – не знаю. А в бою эксперименты ставить – это, знаешь, плохой план. Так что пока обычными тормозными движками обойдёмся. Но перегрузки при этом нас ждут – ого-го! Надо будет нормальные армейские амортизаторы кресел-ложементов ставить, мне Игорь рассказал. Хотя и сейчас у нас автоматика медицинская подключена, но всё равно...

Это да, это мне понравилось, что наш капитан не только ходовой озаботилась, но и вопросами выживания. Не люблю любителей дешёвых подвигов.

– Главное, у нас так больше шансов выжить, а у противника – отправить первый залп в молоко...

Последние часы Инге носилась по кораблю, как укушенная за пятую точку. Она помнила, что Игрок сказал про крысу, и установку своей обманки откладывала до последнего. Так что под конец проводку мы просто на клей провешивали. За десять минут до начала предстартовой подготовки. И всю дорогу Инге мне объясняла, что это на всякий случай, и, если не надо будет, она этим не воспользуется. Ну-ну, поглядим.

Стартовали штатно, вышли на орбиту. С Игроком стыковаться не стали, он к нам сам прыгнул, с грузом. Передал контейнеры и режим выхода в гипер. Вот реально отморозок.

План был прост как дважды два. Мы выходим в гипер так, чтобы выйти и стабилизироваться немного позже Игрока. Он к тому времени оттормозится и начнёт имитацию разгона. Если он прав насчёт крысы, его будут ждать. А мы быренько скорость скидываем, переориентируемся и снова в прыжок. Там нас уже ребята с Марса встретят. Ну, должны. Игорь сказал, что рой будет на разгонной скорости висеть с того момента, как мы с Теллура выйдем. Надеюсь, что так.

Всё, погнали. Прыжок и время бездействия... в обычных обстоятельствах. А у нас – дела. Я проверяю консоли, проверяю на имитаторах, Инге настраивает подключённую к амортизаторам медицинскую автоматику. Это конечно, не колба, но хоть что-то. Сможет продлить сознательное существование на два-три «же», а это уже немало, я вам скажу. За час до выхода занимаем места на мостике.

– Я стреляю, ты улепётываешь. Арк знает, что делает. Раз он сказал, что мы не вмешиваемся, значит, так и делаем. Наша задача – быстро свалить, пока все им заняты. Перегрузки... смотри по себе, дублёра у тебя нет, я летать особо не умею. Так что всё сама.

– Приняла.

– Том, подключись к торпедным аппаратам. Чую, пострелять нам придётся. В любом случае.

– Сделал. За «сосиски» не волнуйся, Командир, треть отстреляю, не больше.

– Какие сосиски? – не поняла Инге.

– Торпеды, сударыня. Они вылитые сосиски. Вы их не ели? Увы, я тоже.

– Ела я сосиски! Но торпед таких не видела.

– Так вон они, в трюме. Полтора десятка плюс три ракеты, но их я на потом оставляю.

– Не похожи они!

– Так вы, сударыня, их при погрузке видели, они тогда в упаковках были. А сейчас в пусковых уже лежат. Вот голые они – форменные сосиски...

Перед выходом Инге начинает трясти, как и в прошлый раз. Дело знакомое, это не трусость, скорее нервозность, ожидание боя. Организм переходит в другой режим заранее,

выплёскивает адреналин, а потратить энергию пока некуда. Всё, нейрошлем на голове, система регенерации подключена, Том Том на посту. Понеслось!

Как только вышли, Инге стала тормозить, и глаза у меня не то чтобы на лоб полезли, а наоборот, проваливаться начали. Нам изменили конфигурацию силовых полей на мостике – поставили систему компенсации, и перегрузка теперь всё время давит, а не от кресла отрывает. Это штука энергии жрёт, конечно, но оно того стоит. Потому что одно дело, когда тебя всей тушкой о плоскость амортизатора плющит, и совсем другое, когда твои сто пятьдесят – а в лёгком скафе и больше – кило, да на десяточку помноженные, на узенький ремешок приходится...

– Стабилизация!

– Принял. Готов к бою.

Всё-таки лучшие нейрики на Теллуре делают. Уж не помню, когда к такой чувствительной нейросети подключался. Пошарил радарами. Нет, «мерцающих клоунов» не видать, это хорошо. Уж не знаю, почему их так называли, я бы назвал «хитрожопый ублюдок». Короче говоря, «клоун» – это корабль, который, зная твой вектор выхода, разгоняется на параллельном курсе и скорости выравнивает. В этот момент стрелять друг в друга можно, он и начинает палить в тебя, когда ты этого не ждёшь: в норме-то тебя пока ещё нет как бы. А «мерцающий» он потому, что то появляется, то пропадает. Ему что, прибавил скорости – пропал, тормознул – появился. Ушёл вперёд тебя, тормознул, и ты сам к его спаркам бортом нарисовался. Только вот сделать такое далеко не каждый может. Тут и навигатор отменный нужен, и пилот. А здесь таких не нашлось.

– Норма... Que carajo! Mierda!!!

Ну кто бы сомневался. Мы выскочили под самую раздачу. Здесь уже каша. «Джокер» со штурмовиком, тем самым, который мы взяли призом, Игорь на своём «драконе», две стремительные молнии амазонок Арка и ещё несколько его несомых. И вот что плохо, среди негодаев тоже амазонки и что ещё хуже – волки. Хреново. И, как будто этого мало, вектор торможения ведёт прямо в это месиво. А маневрировать мы не успеваем.

– Том, план Б!

– Есть, Капитан.

Ненормальная! Но других вариантов я действительно не вижу.

План Б – притвориться, что нас подстрелили. Причём хорошо так. Отключить поля – в бою! Это же додуматься надо! – случайным вращением выйти из сектора, и уже оттуда начать разгон. Якобы случайным. Что-то Инге на пару с Томом мудрили-считали, и вроде решили, что получится. А самое поганое – тут от меня ничего не зависит. «А мне что делать?» – спросил я Инге, когда она излагала свою идею. «Быть готовым стрелять. Ну, и молиться», – не моргнув глазом, ответила моя ненаглядная. Отличный план, ничего не скажешь.

Как только Том решил, что по нам мазнул чей-то подходящий залп, он отключил дефлекторы, позиционные огни, и дал импульс на манёвровые движки, закрутив «Аладу» вокруг всех возможных осей. Вот это было, я вам скажу... Система компенсации мостика не справлялась, меня рвануло в одну сторону, потом в другую, пару раз «подвесило» вниз головой, аж ремни хрустнули, но, кажется, у нас получилось. Правда, реализовать второй пункт инструкции – молиться святому Рудольфио – у меня не получилось. По крайней мере, пока нас болтало и мотало туда-сюда. Но главное – по нам не стреляли.

И верно, какой смысл стрелять по потерявшему управление кораблю, который мало того, что остался без полей и свалился в бродинг, так ещё и пёрить начал – струйки вытекающего из пробоин воздуха заметны хорошо и издалека. И никому в голову не придёт, что бродинг на деле управляемый, а воздух выходит не из пробоин, а из закреплённых на броне баллонов. Да ещё Инге пытается ими наше положение корректировать. Понятно, воздушными движениями машину «Алады» полноценно не развернёшь, но если во вращении дать нужный импульс в нужный момент...

Я глянул на Инге. Не знаю, как у неё получилось, меня-то изрядно болтало, а она словно приклеилась к креслу, лицо – это даже под шлемом видно, – как череп оскаленный, указательный палец правой руки еле заметно подрагивает на джойстике, который управляет выбросами воздуха. На эту штуку нейрик поставить мы не успели... А вообще в бою – только нейроуправление, виртуальные пульта и рычаги. Здесь каждая секунда – на вес золота, каждая миллисекундная задержка – пока импульс по нервам идёт от мозга пилота к пальцам руки – вопрос жизни и смерти. В прямом смысле слова.

– То-ом...

Включения маршевых движков сразу на форсаж – дело рискованное, насколько я знаю, но Том именно это и сделал. Нас снова рывком вдавило в кресла, Инге придушенно пискнула.

– Двадцать шесть секунд, Капитан.

Когда корабль идёт на прыжок, сбить его так же сложно, как и при торможении. Так что наша задача – дотянуть до момента, когда скорость «Алады» поднимется до разгонной. Даже при половине разгонного ускорения достать нас будет почти невозможно, если только кто-то плотно на хвост упадёт, а вот сейчас мы открыты. И весь минус в том, что маневрировать мы не можем. Любой манёвр – это смена курса, значит, переориентация корабля и новый расчёт. Да, автоматика делает всё быстро, но это на земле доля секунды – миг, а здесь зачастую – вечность.

А вот нас и заметили, теперь поиграем всерьёз! Ребятки, не на тех напали, у нас стандартный энергокуб только на дефлекторы и вооружение установлен, и всё это не из Темных миров, не с Тираны и даже не с Теллура. Всё это мы на Замке и Сангусе заказывали... Нас тряхнуло. Кто это? Ага, вон голуба, ну-ну! На тебе! У меня сейчас трио долбят так, что с любого несомого или даже штурмовика не только дефлекторы сшибают, но и по броне проходят. Нет, не взрывают, конечно, но слепят системы, и тут прилетает дуплет. Это когда с небольшой задержкой работают сразу трио и спарка. Трио – чтобы проломить поле, а спарка – добить. Задержка даже не микросекунды, на мгновения. Поле ещё мерцает невидимым светом, но оно уже не держит, от залпа излучателей предохранитель плавится, испаряется, всего чуть-чуть затормаживая автоматику, и в этот момент в ячейку входит залп спарки... Есть!

Матерюсь, похоже, вслух – прям нутром чувствую, как уже наша автоматика щёлкает, выкидывая сгорающие предохранители полей. Меткие, суки! Прости дорогая... Впрочем на Тиране и дома ты наверняка и не такое слышала.

Вот они, проблемы! Две цели ускоряются, очень быстро. Волки! Этих так просто не ссадишь. Сейчас выйдут след в след, и кранты, не тут, так на выходе... Корабли в чужие проколы не ныряют, такое только в гало бывает. Но считать параметры прыжка и прыгнуть следом – можно. Конечно, рискованно и опасно, но волки – отмороженные на всю голову! Впрочем, они расчёт по типовым показателям сделают, а у нас кораблик-то совсем не типовой. К тому же, есть ещё один шанс, если Инге справится...

«Том, амортизатор на Инге!» – кидаю ему по нашей внутренней связи.

«Принял».

– Том! Две петли! Инге, сразу форсаж! *Пошёл!!!*

Дикие перегрузки наваливаются так, что в глазах темнеет, дышать нечем, но ракеты ушли.

«Петля», вернее «мёртвая петля» – приём самоубийц и отморожков. Причём проделать это можно, только когда ты на грани разгонной скорости, в режиме «ещё чуть-чуть». Ракету назад не пустишь, не полетит. А эти двое висят в нашем кильватере. Нормальный пилот попытается таких стряхнуть резкими манёврами или подвести под огонь напарника. А ненормальный отключит на ракете опознание «свой-чужой» и выпустит её вперёд, с малым отклонением. Эта дура – ракета без системы опознания – атакует любого, кого первым увидит. Так что она захватывает ближайшую цель – тебя, и разворачивается на вектор твоего движения. А ты даёшь

форсаж и выходишь в другую систему координат. И вместо тебя ракета видит того придурка, который вцепился в твой хвост. Со всеми вытекающими для него последствиями.

Я ещё успел подумать: «Газу-у-у!» и удивиться, при чём здесь газ. А потом организм решил, что с него хватит перегрузок.

СЕКРЕТНО

МУКБОП

Отдел оперативного слежения и контроля

Начальнику отдела 100

Матвееву С.И.

В рамках контрольных мероприятий сопровождения фигурантов по делу 581-14/ОДЧ, сообщаю:

Оба объекта зафиксированы во время преследования шерифа города Виль-де-Ноэль Кола Гальяно. Преследование проводилось в два эшелона. Объект Рудокон вёл преследование в нарушение всех правил безопасности, во время преследования по нему (Рудокону) были применены неуправляемые ракеты «гидра». Объект уклонился от залпа и продолжил преследование. Объект «Гоблин» вёл аппаратное слежение, к месту действия не приближался. Однако всё время держался на расстоянии, позволяющем оперативное вмешательство. Детали событий на крыше «Галактики», где завершилась погоня, на данный момент не установлены. По нашим данным, погиб один человек – пассажир флаера Гальяно. Погибший покончил (покончила) с собой, выбросившись с крыши на землю.

Важно, прошу обратить внимание! Кристо не предпринимала попыток вмешательства, ограничившись минимизацией возможных жертв среди гражданских. После окончания событий группа захвата Кристо произвела попытку задержания участников погони (список прилагается), однако была отстранена сотрудниками Адмиралтейства. Фигуранты дела 581-14/ОДЧ были допрошены и освобождены из-под стражи, как и остальные задержанные. Шериф Кола Гальяно помещён в госпиталь...

** * **

СЕКРЕТНО

МУКБОП

Отдел оперативного слежения и контроля

Командору отдела внешних отношений

Эльдману Г.Т.

копия

Начальнику отдела 100.

Матвееву С.И.

Сообщаю, что с ведомственного космодрома службы курьерской доставки Теллура зафиксирован старт сверхмалого космического корабля. Классифицировать как корабль курьерской службы Теллура не представляется возможным. Анализируя данные разгона и перехода, а также характерные обводы космического корабля, можно сделать вывод, что данный корабль принадлежит курьерской службе Марса.

Инге Сонел

Я Тиму всё высказала, что про него думаю. Когда он через несколько часов из регенератора вылез. То есть мне делать обманку, что нас подбили, нельзя, а ему все поля на меня перебрасывать можно, да? Ведь я прекрасно поняла, что они с Томом сделали. Амортизатор – это в первую очередь поля, и только потом гидравлика и пружины всякие. И два этих психа силовую «подушку» с Тима на меня переключили. Уроды. Я Тима даже побить хотела. Тюленем, который мягкая игрушка. А он – Тим, не тюлень – смотрит на меня и честно объясняет, что, мол, никакое это не геройство, а голый расчёт.

– Ты пилот и капитан. Нам, зуб даю, светит ещё один бой, и без тебя мы точно покойники. А пострелять за меня и Том может.

Я только воздуха в грудь набрала, чтобы Тиму ответить, а тут Том говорит:

– Стреляю я не так хорошо, Капитан. Всё-таки вы, мягкотелые, на подсознательном уровне чувствуете, как лучше друг дружку укокошить.

Подлиза. Но Том, похоже, вообще понял, что я на него долго злиться не могу, вот и влез, чтобы я на Тима дальше не ругалась.

– Ладно, – говорю, – а что с ребятами, неизвестно?

– Том, записи есть?

– Да, Командир, вот, – Том включил экран, а я разозлилась: почему сама об этом не подумала? А с другой стороны, когда думать было-то? Как только мы в прыжок ушли, я отдышалась, убедилась, что с Тимом всё в порядке, и кинулась «Аладу» проверять. У нас почти три дня в запасе было, но раньше ремонт начнёшь – раньше закончишь, и больше времени на тонкую отладку останется. Ну и от работы оторвалась, только когда Тим из регенератора вылез.

Так что мы вместе уселись записи смотреть, но я быстро поняла: чтобы разобраться, что там творилось, придётся всё по тактам и плоскостям разбивать, а то хрен поймёшь. И я это обязательно сделаю, потому что надо учиться. А пока я только одно могла сказать:

– Бли-и-ин... Ну и каша!

– Они на это и рассчитывали. Связать противника боем, затормозить, не дать нас атаковать после снижения скорости, и удержать от атаки при разгоне. Правда, получилось не совсем так, но это уже детали.

– А эти двое?

– Волки? Ну... Знаешь, они одни из лучших пилотов и пиратов, если можно так сказать. Наверняка просчитали, в чем дело, и кружили в сторонке, на скоростях, близких к разгонным. Или знали... Не зря Игрок про крысу говорил. Видела, как они резко нарисовались? Может, и притормозили даже.

– Видела...

Ну, а дальше мы снова за ремонт взялись. Вернее, Тим и Том. Меня они прогнали – отдыхать, а сами впахались, как проклятые. Поля-то нам за двадцать шесть секунд разгона хорошо пожгли. Надо было перегрузить в лотки новые предохранители, почистить конвейер, отшлифовать гнезда... Предохранители-то в натуре *горят*, это не оборот речи. И после хорошего залпа на контактах окислы образуются, нагар. Надо всё снять, отшлифовать, где требуется, механизмы почистить. Так что Тим с Томом в дефлекторной надолго поселились.

– А то будешь думать, что поле нормальное, а у тебя бац – и пара сегментов пустые, – объяснил Тим, когда я ему в очередной раз кофе прямо в отсек притащила. – А ракета – она не дура, она лазейку мигом найдёт и юркнет. Такое даже во время боя бывает: образуется нагар на контактах, и предохранитель не срабатывает. Напруга там ого-го какая, так что система его

видит, даже поле есть, но оно такое, что смех и грех. Вся надежда, что ракета противника его как полноценное опознает и не станет туда ломиться... Дорогая, а у тебя краска есть?

– Э... есть, – вот таким внезапным переходом Тим меня просто убил. – Тушь для волос пойдёт?

– М-да. И как мы будем звёздочки на броне рисовать?

– К...какие звёздочки?

– Звёздочки. На борту. По числу сбитых. Боюсь, дорогая, всех твоих запасов не хватит даже на одну. А волков и амазонок надо большими такими нарисовать.

Тим всё это серьёзно так вещает, а я на него глазами хлопаю. У Тима это здорово получается: делать морду та-аким кирпичом, что и не разберёшь, прикалывается или нет. А потом до меня дошло – или как будто подсказал кто. Это же знаки сбитых противников! Символы. Отметка заслуг и всё такое. И страшно мне эта идея понравилась. Обязательно надо будет нарисовать. Оно, конечно, сигнал для тех же волков и амазонок: «Враг номер один!», зато другие сразу реверс врубят. А этих других по любому больше.

– Я поняла, это традиция. А чья?

– Марсианская, чья же ещё. Обычно-то победы в бортовой журнал заносят, можно их по решению капитана в боевой идентификатор прописать. А на Марсе...

– Тогда и мы звёздочки рисуем! – почему-то мне это очень принципиальным показалось. И в журнале запись сделать надо, а то у меня совсем из головы вылетело. – Специально для этого лаком закупимся. Во!

– Да? Ну ладно, – Тим засмеялся. Легко так, весело. И вдруг замолчал. И глаза дикими стали, чуть кофе не уронил. Меня от такого его взгляда как к месту приморозило. Неужели вспомнил что-то? Из своего прошлого?

– Что?!

– Нет, ничего, – он мне улыбнулся и дальше хмурится. – До меня только сейчас дошло. Я про «петли». Том, мы раньше так стреляли?

– Нет.

– А откуда я тогда про «мёртвую петлю» знаю?

– Почём я знаю. Ты сказал, я сделал. У меня она записана в реестре как особо опасный приём. Стопроцентная летальность.

Что-то я это слышала, и мне как-то нехорошо стало.

– Стоп, вы о чём? Как это – стопроцентная летальность?

– Ну, либо ты поджаришься, либо противник, – меланхолично говорит Том. – Капитан, вы этот приём без моего участия не применяйте. «Алада» конечно, у нас умница, и кибермозг у неё прекрасный, насколько это возможно, и интуиция у вас для мягкотелых потрясающая, но...

– Погоди, Том. Так кто из вас втопил в итоге?

– Капитан. Сама.

Тим это услышал и посмотрел на меня с таким... удивлением и уважением, что ли? А я опять не понимаю, чего тут особенного. Понятно же было, что к чему и зачем. Тут другое важнее.

– Так что там с этой петлёй? – спрашиваю.

– Понимаешь, я канонир третьего класса. Да, марсианский, но всё равно, я про такие приёмчики даже читать не должен был. От слова «совсем»! Да если бы мне такой приём кто из инструкторов тогда показал – на гало или в записи, то его бы сразу на губу отправили. О «петле» даже с первым классом лучше не думать.

– И у Тома они прописаны, да? То есть и он их знает. Верно?

– Верно.

– Значит, ты... вы их знали *до* того, как потеряли память. Они были в вашем прошлом. Когда-то.

– Вот вспомнить и пытаюсь...

– Внимание, экипаж. До выхода в норму четыре часа.

– Спасибо, «Алада», – как-то у меня нехорошо засосало под ложечкой. Я вообще уже поняла, что боюсь или *до*, или *после*. Вернее – и до, и после. А во время боя некогда.

В общем, дальше мы предохранители в шесть рук зачищали. Хорошо, Тим и Том уже большую часть работы сделали. Но всё равно, на мостик в последний момент влетели. Сели, пристегнулись, подключили медсистему – то ещё удовольствие, я вам скажу! Пока шлемы не надели, Тим говорит:

– Значит так, тормози, как сможешь. Потом я снова перекину амортизатор на тебя, и газуй на форсаже. Быстрее затормозим, по нам меньше стрелять будут. И уходим! Только форсаж давай не сразу, а на середине разгона.

– Приняла.

– И как выйдем, передавай сигнал Игоря.

– Уже поставила на автоматику. Всё, работаем.

Ага, «работаем»! Вся беда в том, что до момента стабилизации вся моя работа – сидеть и ждать. Слушать приборы, слушать корабль, чувствовать напряжённую тревогу Тима. Всё-таки странно: мы с первой же встречи не то что увлеклись друг другом, а просто оказались вместе. Словно именно так и должно быть. Понятно, это лоа нас свели, иначе никак, но зачем? Жутко, как задумаешься.

– Выход через три... два... один... Прокол.

Это и просто на экранах красиво, но сейчас, когда я в нейроконтакте с кораблём, вообще сказочно. Всё вокруг плывёт, перетекает, меняются цвета... На экранах не увидеть этих потрясающих синих переливов, которые расцвечивают всё в момент выхода в Пространство. Всему есть физическое объяснение, но поверьте, спектральное смещение – последнее, о чём думаешь в этот момент. Просто это... чудо. Как рождение, наверное. Обидно только, что из такой красоты тебя мгновенно выбивают перегрузки.

А в этот раз было совсем плохо. Мы ещё не прошли стабилизацию, а я уже чувствовала, что вокруг идёт бой и умирают люди. Не видела, а именно чувствовала. И это описать ещё сложнее, чем то, как через сенсоры корабля воспринимается выход в Пространство. Нет, у меня и раньше получалось эмоции окружающих ловить, но с такой силой ни разу. Азарт, ярость, страх, расчёт, боль, отчаяние... И всё одновременно, и за всем этим стоят живые люди, и мне поначалу вообще показалось, что я с этим не справлюсь. По мозгам шарахнуло сильнее, чем перегрузками. Уж думала, меня просто унесёт куда-то, утону в чужих эмоциях и не смогу ничего сделать. Как волной подхватило... И вот тут я сама испугалась. И со страха смогла от этого всего... отгородиться, наверное, так можно сказать. Потому что Тим прав: я пилот, я капитан, и, значит, я отвечаю за корабль и экипаж.

За те секунды, пока я собирала голову на место, «Алада» завершила стабилизацию и начала торможение. И то, что я увидела... Понятно стало, откуда всё это взялось. Здесь была свара. Не меньше десятка кораблей, Братство и противник, эфир забит музыкой, но сигнал Игрока передан по гиперсвязи, его не заглушить. Он ушёл, теперь и мы должны.

Я уже с первого боя, тогда, с пиратами, которые на лайнер Алианта напали, поняла, в чём тут хитрость. Надо просто доверять. Во-первых, кораблю. Во-вторых, экипажу. А в-третьих, себе. Может быть, капитан и обязан что-то там проверять и чем-то там командовать, но в бою просто каждый должен делать своё дело. Решать свою задачу. И моя – увести нас отсюда.

Вообще пилотирование – оно как бы двух видов. Вернее, трёх. Первое – это гиперпереход, и это на самом деле просто. Включила маршевые движки, потом разгонные, когда вышла

на релятивистские скорости, активировала гиперпривод – и всё. Главное, корабль правильно нацелить. Для стандартных зон переходов существуют типовые таблицы и программы, так что ничего сложного. А вот если прыгаешь в незнакомую зону, тут надо каждый прыжок рассчитывать. Для этого целая наука есть – навигация. По ней я меньше всего баллов набрала, когда экзамены сдавала в Академии. Наверное, надо с этим что-то делать. Кстати, красивые трёхмерные карты звёздного неба, которые в гало показывать любят – вещь от реальности очень далёкая. Для меня, то есть для пилота, карты – это цифровые таблицы. Для навигатора – математические модели. А галокартинки... Наглядно, для школьников, эффектно, но к пилотированию очень условное отношение имеет.

К счастью, точка выхода у нас – Солнечная, типичнее координат не придумаешь, так что все расчёты займут от силы секунд пять, может, чуть больше. Проблема в другом. Мало правильно рассчитать прыжок, на разгоне вектор перехода в гипер должен быть свободным. Потому что маневрировать уже нельзя. То есть можно, но для этого надо сбрасывать скорость. И начинать всё заново, и прыжок рассчитывать тоже. Я так поняла, те ребята, с Марса, чей груз сейчас у нас на борту, как раз из-за этого уйти не смогли: им вектор перекрыли. А пока они новый прыжок считали, вражины подвалили, и пришлось бой принимать. У них корабль тяжелее «Алады», им разогнаться дольше надо было...

Я вообще люблю пилотирование в пространстве, хотя тут тоже разница есть. Одно дело – большие корабли, типа «Стерегающего» или той же «Зари». Это вообще скучотища, потому что они огромные, с ого-го каким моментом инерции, и там неинтересно. Там не столько пилотируешь, сколько тупо на кнопки нажимаешь. Вот малые корабли – это совсем другое. Тут всё ручками. При этом процентов на двадцать опираешься на данные, которые тебе через нейрошлем корабль сливает, процентов на восемьдесят – на чуйку, и всё в порядке. Правда, Макар, который Фальк, пилот из МУКБОПа, говорит, что на самом деле наоборот выходит, в плане – больше данных, меньше интуиции. Но я уже привыкла, что у меня всё не как у нормальных людей. В общем, тоже ничего сложного.

Ага, если вокруг не идёт бой.

Краем уха – если так можно сказать про нейросеть – я слышала, как обмениваются репликами Тим и Том. Что-то про клоуна, которому на арене больше не выступать, про сосиски... Мне некогда отвлекаться. Их задача – стрелять. А моя – маневрировать, проваливаясь сквозь условную плоскость боя. Я уже не смотрю, где свои, где чужие. Мне просто надо оказаться как можно дальше от общей свары, чтобы обеспечить нам пространство для разгона. Я должна уйти в прыжок с первой попытки. Второй не будет.

– Есть норма. Есть расчёт. Начинаю разгон!

– Принял! С-с-су-у-ука-а-а!!!

– Что?!

– Цель в седьмом сегменте!

– Обойду.

И поняла, что не успею. Здоровенный рейдер, больше «Джокера», неотвратно вползал в сектор, перекрывая нам траекторию. Он специально ждал, что ли?! Если сброшу скорость, мне не дадут снова выйти на разгон. Придётся вязаться в драку, а это самоубийство.

Я растерялась. На миг, на секунду – но для нас это много. Очень много. Рейдер уже практически закрыл мне вектор, мы неслись на него, а я не знала, что делать.

– Том, всю мощность – на носовые! Пойдём насквозь.

– Что?

Но я уже поняла.

Этот скот не знает, что у нас форсированные движки. Типовому кораблю нашего класса он гарантированно перекрывал вектор. А у нас есть шанс. По расчётам, мы перейдём на пол-

ноценную разгонную скорость практически на границе его дефлекторов. И если их снести... То, возможно, у нас получится.

Но только возможно.

Папа Легба, Госпожа Эрзули, светлые Рада, помогите нам!

Я выжимаю из энергокуба максимум, в глазах плывёт кровавый туман, «Алада» дрожит от попаданий, которые я ощущаю чуть ли не собственным телом, с нас почти снесли поля, быстрее, ещё быстрее, лоя, мы должны!..

И тут экраны светлеют от маркеров проколов пространства.

– Враги?

– Нет, – в мыслях Тима звучит откровенное торжество. – Рой! Рой, мать вашу!!!

Они вываливаются в нормальное пространство – десятки, если не сотня, маленьких кораблей. Тормозят маршевыми двигателями, разворачиваются, сходу кидаются в бой... Но нам это не поможет. Мы уже не то что свернуть, мы даже затормозить не сумеем до точки пересечения траекторий. И рейдер тоже не успеет отойти.

– Том, максимум!

– Знаю!

Не успеть.

– Таран!

Я так и не поняла, чья это была команда.

Они обгоняют нас – перегрузки должны быть бешеные, – пять, шесть... полтора десятка «москитов». Залп ракет сносит поля рейдера, но истребители не сворачивают. Они не сворачивают! Они несутся вперёд, и я уже всё понимаю, я кричу им, не голосом, душой: «Нет! Не надо! Мы успеем! Живите!!!», но они не слушаются. Это странно, но я чувствую их – пилотов. Их спокойную и гордую решимость. И приходит понимание: они не остановятся. Они делают, что должны, без колебаний и сожаления. Так надо, и я не должна винить себя. А их будут помнить, и, значит, они будут жить.

А потом они пропадают. И истребители медленно, как в гало на стоп-кадрах, бьют в броню рейдера, взрывы один за другим, он распухает, я почти теряю сознание от перегрузок, но становится легче, и я понимаю, что Тим с Томом опять перебросили поля на меня.

А потом мы влетаем в огонь.

Том Том

Страх.

Страх весьма неприятное чувство, как считают люди. Они просто не могут понять очень простую суть этого явления. И я благодарен судьбе за то, что смог испытать страх и лучше уяснить его природу. Новое знание всегда ценно, и само по себе, и в том плане, что даёт мне лучшее понимание мягкотелых, с которыми я постоянно взаимодействую.

Как я понял его природу? Тут всё предельно просто, обычный анализ и сравнение паттернов человеческого поведения. Э-э... ну если проще, я сравнил типовые поведенческие реакции человека со своими. Смотрите, у вас есть смесь деталей от гаусс-винтовки и станнера. Как понять, где какие? Правильно, просто собрать гаусс. То, что останется – это от станнера.

Я не испытывал страха, когда мы с Командиром болтались в пустоте, когда шли на бордаж и так далее. А он испытывал. И на основании сравнительного анализа я определил: страх возникает, когда вы не можете объяснить происходящее и (или) не знаете, что делать.

Человек стоит на крыше небоскрёба и смотрит вниз. Ему страшно. Он понимает, что если упадёт, то разобьётся. Отбросим страх смерти, с ним всё понятно, это неизведанное. Остаётся страх высоты. Почему он возникает? Человек просто не понимает, почему он смотрит вниз и что тянет его сделать шаг за край. Если он поймёт, что его мотив – это желание испытать полёт, то страха не будет.

Рационального страха не бывает. Если вы осознаёте, что происходит, механику и физику процесса, то вместо страха будет понимание необходимых действий и их последствий. Говорят, что страх предостерегает. Неверно. Если вы оцениваете последствия, вы и без страха не станете делать то, что приведёт к нежелательным результатам. Или наоборот, станете – если понимаете, что даже негативный для вас результат рационально необходим.

Марсиане понимали, что таран корабля противника с большой вероятностью приведёт к их смерти. Но марсиане ставят интересы социума выше личных, а для социума крайне важно, чтобы мы дошли до места. Следовательно, взвесив все варианты, они выбрали самый оптимальный и надёжный. Личная смерть для них не страшна, потому что они социальные существа, они часть общества, и если общество будет жить, то и они будут жить, просто в иной форме.

Так вот, страх. Страх я испытал, когда с нашим Капитаном случилась истерика. Я не сразу идентифицировал это состояние и не мог определить его причину, чтобы попытаться нейтрализовать её. Капитан ругалась, плакала и била по мне кулаками. Причём она не ставила себе целью причинить мне вред. Конечно, простые удары для меня абсолютно безопасны, но в данном случае мне казалось, что я имею дело с тем, что человеческие психологи называют автоагрессией. Из беспорядочных слов Капитана я понял, что её травмировали действия марсианских пилотов, и попытался объяснить, что большая часть их выжила, катапультировавшись в последний момент. Марсианские пилоты не самоубийцы, вовсе нет. Тут простой расчёт: если пилот погиб при таране и цель уничтожена, то результат – сто процентов. А если пилот выжил, то все двести. Для общества двести лучше ста. Поэтому ни один марсианин не станет погибать просто так.

Я рассчитывал, что рациональные доводы помогут, но мои слова почему-то оказали противоположное действие. Я совершенно не понимал, как вывести Капитана из этого состояния. Можно, конечно, использовать станнер или шокер, и просто подождать Командира, но мне не хотелось случайно навредить Капитану. Да и негативная реакция Командира была слишком очевидна в таком случае.

К счастью, Капитан постепенно успокаивалась. Она уже не плакала, а сидела на полу, ухватившись за голову, и страдала.

– Да что же за груз нас на борту?! Так за будущее своё драться можно, за детей... Что мы везём?!

Вот что тут сказать? Белковые, одно слово. Ведь всё очевидно! Три кофра. У двух внутри контейнеры из материала Странников, третий обычный. Третий – это тело командира поисковой группы «Памяти», Чёрного Дракона Павла Зотова. «Память» ищет останки Первых, вернее Последнего Первого, если не ошибаюсь, Марка Гомаро. Следовательно, один из контейнеров, привезённых Игроком, это и есть его останки. Иначе этим делом занималась бы не «Память», а другие специалисты КБМ.

Что во втором контейнере, не важно. Скорее всего, реально некий артефакт Странников, но только ради этого не прислали бы рой Драконов. Если спросить марсиан, что важнее: останки Гомаро или самый крутой артефакт, они однозначно скажут – Гомаро. Почему? Всё потому же. Идущие на смерть знают, что они живы, пока их помнят. И каждый марсианин скажет: погибшие герои живы, пока их имена и поступки сохраняются в памяти людей.

Мы живы, пока помнят о нас. Память вечна. Так говорят на Марсе. И они правы.

Что такое разумное существо? Оно состоит из трёх компонентов. Тело, физическая оболочка, сознание – электрохимические процессы в нервной системе, и душа. Не в религиозном плане, хотя на мой взгляд некоторые религии приблизились к верному пониманию души. Мне очевидно, что душа – это поле, рождаемое сознанием. Сознание и душа неразрывно связаны, они диалектически едины: сознание порождает душу, но развитая душа влияет на сознание. И вот ключевой момент: если создать дубликат электрохимических процессов, порождающих сознание, создадим ли мы душу? И наоборот – формируя отражение души, не породим ли мы сознание?

Представьте, что некоторое, достаточно большое, количество разумных существ помнит героя. Причём не только имя, а его самого: его поступки, реакции, по сути, душу. Их действующее сознание рождает некое дополнительное поле, которое складывается по всей планете, как мозаика. То есть формируется душа. А пока душа жива, будет и сознание, потому что как сознание рождает душу, так и наоборот.

Я не отвлекался от темы. Все эти размышления шли параллельно с попыткой вывести Капитана из состояния истерики. Я же многозадачный, могу одновременно любоваться током соков в растении, испарением эфирных масел с его плодов и цветов, разбирать аэродинамику шмеля и вести огонь по нескольким целям. Да, людям сложно такое представить, но это действительно так.

По Капитану было видно, что она находится в тяжёлом состоянии. Насколько я знаю, раньше она не участвовала в таких боях, и смерть большого числа людей была для неё шоком. Кроме того, Капитан, как я понимаю, чувствует подобные вещи той самой душой, которая у неё большая. То есть её поле распространяется далеко, сохраняя достаточную напряжённость.

Вот ещё одна мысль! Можно ли допустить существование души без сознания? Мой ответ – да. Не только марсиане тому пример, но и сам Марс. К тому времени, как началась колонизация Марса, магнитное динамо планеты давно перестало работать из-за затвердевания ядра. Но хаотичные остаточные магнитные поля остались, и Первые, как мне представляется, начали восстанавливать Душу Марса. Мантисы прервали этот процесс на непродолжительный, с точки зрения эволюции, период, но сейчас Марс оживает. Уже зафиксированы первые извержения и первые землетрясения. А может ли восстановление души привести к оживлению организма? Выходит, что так. Теперь мне стали понятнее некоторые старотеррянские религии, которые отводили особое место необходимости беречь душу человека. И разговоры о жизни после смерти в таком случае становятся не религиозной болтовнёй, а теорией, которую можно подтвердить физикой. Пусть и не сейчас. Интересная мысль, надо будет её обдумать на досуге.

А сейчас мне надо завершить процесс нормализации функционирования Капитана. Хотя она, как мне кажется, сама неплохо справляется с этой задачей.

– Что с Тимом и кораблём?

Не понимаю, почему надо размазывать слёзы и прочие выделения кулаком? Есть же салфетки. Но, возможно, это инстинктивное поведение из детства?

– Ремонтопригодны, но небоеспособны.

– Что?

– Повреждения не позволяют им продолжать боевые действия. Командир в регенераторе, критичные повреждения внутренних органов, но опасности уже нет. На «Аладе» перегорели стержни излучателей, истрачен запас торпедно-ракетного вооружения и сожжены почти все предохранители. Из вооружения одна спарка. Есть повреждения брони, разбалансированы двигатели, но в целом до Марса дойдём и ремонт возможен. Я проанализировал остаток средств, хватит на ремонт даже на Теллуре, однако, если строить прогноз с учётом социальной психологии Марса, ремонт нам сделают без денег и даже проведут апгрейд.

– Сколько же там народу полегло, чтобы дать нам уйти...

– Марсиан было около сотни, это минимум. Братства около пятидесяти, – ой, зря я это сказал! Мне и в голове Командира не понять, как токи текут... Вернее, понять-то как раз я могу, а вот как результат получается, не понимаю. А тут женская голова, это вообще потёмки. Недаром у белковых так много поговорок о женской логике.

– У-у-у-у-у...

И не погладить даже, хотя... Может, дать ей ещё раз винтики поотворачивать?

– У Братства было меньше кораблей, но там экипажи.

– А у марсиан, что? Беспилотники? Там были люди, я знаю!

– Одиночки. Кресло пилота, корпус, одна ракета и две-три торпеды, плюс излучатели. В каждом корабле заряд антивещества, на случай тарана. Марсиане не сдаются.

– Самоубийцы? Или герои?

– Я не понимаю термина «героизм». Но они не самоубийцы, – чтобы успокоить, выдаю свою трактовку «души». Но, по-моему, зря я это сделал, что-то ей только хуже стало. Мягкотелые! Приходится повторять: – Марсиане не самоубийцы, их корабли снабжены системой катапультирования. У обычных МД она автоматическая, у МДЧ катапульту активирует пилот. Часть тех, кто пошёл на таран, катапультировалась, и часть из них выжила.

– Это что же за бойцы такие?

– Судя по окрасу бортов и позывным, это Чёрные Драконы.

Капитан помолчала и спросила:

– Как бы узнать, что там с Игроком и ребятами?

– Выйдем из гипера, узнаем. Или на Марсе уже.

– Ох...

Капитан забормотала что-то, опустив голову. Я не стал подслушивать. Она так переживает, молится своим лоа. Это её дело. Я уважительно отношусь к причудам человека.

А если допустить, что теория «души» верна, то почему не пойти дальше и не предположить, что погибшие или умершие предки, которые сохранились душой в сознании некоторого, достаточно большого, пула разумных существ, могут что-то подсказать или направить? Некоторые виды ментальной связи не имеют границ, а некоторые из них невозможно даже экранировать. Так что лоа Капитана вполне могут общаться с ней, так как она является одним из носителей их души. Конечно, в таком случае молиться в гипере бессмысленно, но если ей так проще, почему нет?

Адмирал Базиль Номбрилли

У кабинета Адмирала был один недостаток. Вернее, не у кабинета, а у всего здания. Когда-то давным-давно оно было одним из самых высоких в городе, но Виль-де-Ноэль разорся, и от прекрасного вида на Лес остался маленький кусочек в просвете между тяжеловесным кубом Центрального банка и торговым комплексом. Адмирал даже всерьёз размышлял над тем, чтобы перенести штаб-квартиру куда-нибудь в другое место, но это было бы слишком затратно: строительство нового здания с соблюдением всех требований безопасности – такой удар по бюджету, что надо придумать более убедительное обоснование, чем вид из окна.

Адмирал обернулся, посмотрел на адъютанта. Озейн был всё такой же – идеально выглаженный, идеально выбритый, пахнувший дорогим одеколоном. Но что-то изменилось в мальчике. За последние дни он словно повзрослел, его собранность перестала быть наполовину игрой. Это хорошо и правильно, но и грустно немного. Если Адмирал прав, многим мальчишкам скоро предстоит повзрослеть.

– Озейн, докладывай.

– Да, мон адмирал. Всё прошло согласно плану. Вернее, почти всё. Но груз доставлен.

– Озейн!

– Да, мон адмирал. Подробности... На первом выходе Игрок вступил в бой, как и предполагалось, «Алада» ушла в гипер.

– Тогда к чему это «почти»?

В первый момент, узнав, что груз на корабле Сонел, Адмирал испытал странную смесь злости и паники. Если он прав и эта девчонка может вычислять противника, то если они её потеряют... Но это была мгновенная и глупая эмоция. Один человек, даже очень талантливый, ничего не изменит. А спецы-псионики уверили Адмирала, что раз это принципиально возможно, они научатся выявлять чужаков. Им хотя бы одного живого, чтобы понять, что искать... При желании в ситуации можно найти даже определённый плюс: пусть теперь по поводу этой Сонел, непонятного дикого псионика, у Марсианского Крыса голова болит.

– На втором выходе «Аладу» уже ждали. Им постарались перекрыть вектор разгона, но... Марсиане... Мон Адмирал, я до сих пор в шоке от того, что там творилось. Корабль, который перекрывал вектор, был слишком большим, у них остались только излучатели, в общем...

– Марсиане пошли на таран.

– Да. Это безумие, мон Адмирал!

Всё-таки ещё мальчишка. И не поймёт, сколько ни объясняй. Хотя и сам Адмирал понимал марсиан только рассудком. На уровне эмоций, или души, если такой оборот использовать, принять нечто подобное было тяжело.

– Они живы, пока их помнят. А помнить их будут не только на Марсе, – Адмирал подошёл к бару, плеснул себе коньяка и залпом выпил. Дорогое «Золото долины» упало в желудок безвкусным комком.

Адмирал снова шагнул к окну. Жаль, Леса не видно.

– Посылка? Курьера провели нормально?

– Курьер прошёл незамеченным. Вся свара была вокруг кораблей Братства. На старт «почтовика» с ведомственной площадки никто внимания не обратил.

– Хорошо. – Адмирал не оборачивался. Ему не хотелось, чтобы Озейн видел его лицо, пока он не соберётся.

Этот прорыв... Он значит куда больше, чем предполагали его участники. Всё сплелось в тугой клубок. Груз, который везли тиранцы на «Аладе»? Важно, конечно. Но исключительно для Марса, и то скорее в психологическом плане. А вот посылка с материалами «Ведьмы»

и «крот» на станции.... Это важно для всего Торгового Союза. Теперь неизвестные хозяева «крота» уверены, что он работает не под контролем. А это значит, что счёт хоть немного, но выровнялся. Если можно так сказать в отношении противника, о котором ничего не знаешь.

– Озейн, всех, кто принимал участие в бою и имеет гражданство Теллура, отметить... скажем, медалью «За мирный Космос». Погибшим... В случае похорон на Марсе отправить делегацию для отдания почестей. Если есть распоряжения о захоронении, обеспечить транспортировку и похороны со всеми необходимыми требованиями. Думаю, тут мы с Марсом найдём общий язык.

– Да, мон Адмирал. Разрешите идти?

– Иди, Озейн.

Теперь оставалось самое сложное. Ждать ответа от Гейнца.

Тим Найдёнов

Я уже говорил, что болтаться в регенераторе – то ещё удовольствие? Вот говорю. Вообще-то, если бы не наши ложементы... Тут ведь в чем опасность? Когда вас сдавливает перегрузками, вы больше всего напоминаете шарик с водой, в котором наделали дырочек. И тут очень важно, что у вас за кресла, какие системы подключены к вам и так далее. Будь у нас стандартные ложементы, нам бы карачун настал. Были бы армейские, я бы просто отрубился. А у нас прямо на пилотские кресла заведена система жизнеобеспечения, и медсистема связана с кибермозгом корабля. По сути, с определённого момента мы находимся на искусственном питании и жизнеобеспечении. Медкомм знает, что мы делаем, и принимает меры. Например, кровь замещает на более густую жидкость, которая с перегрузками превращается в гель, по сути, не давая сосудам лопаться. Сосуды в глазах и во рту фигня, кровь из носа и глаз для боевых пилотов и канониров дело обычное, как и из-под ногтей, а вот сосуды мозга... Мозг защищается не только таким вот «желе», но и отдельными силовыми полями. Но естественно, в крайних ситуациях работать он не может, и вас просто отключают. Иначе не сохранить мозг. Так что... А теперь представьте процесс включения, и для полноты картины добавьте миллионы наноботов, которые шарятся в вашем теле, штопая и восстанавливая сосуды и микро и не очень травмы. Тоже удовольствие ниже среднего, мягко говоря.

Инге приходила, сидела рядом, но убегала быстро: дел полно, кораблик-то наш не дуршлаг, конечно, но близко. Потом Том зашёл, руку на колбу положил, провёл по ней. Я кивнул.

«Лечись, Командир».

«Присмотри за ней».

«Скучает».

«Я тоже...»

Выбрался я на волю перед самым выходом из гипера. И конечно же моя ненаглядная на меня накинулась: сначала с поцелуями, а потом – с руганью. Она такая забавная, когда сердится: кулачки сжимает, глаза горят, на щеках румянец, взъерошенная, как воробей. Вот тут весь её темперамент виден становится.

– Ты! Ты опять! – и на каждое слово меня пальцем в грудь тыкает – Loco! Mierda! Мы же успевали! Зачем?! – и дальше что-то такое по-испански, что перевод, наверное, лучше и не знать.

У меня ответ простой: сгрести это чудо в охапку и поцеловать. И лучше – не один раз. Она обычно поначалу вырывается, шипит, как змеюка, а потом отвечает – ну и тут, считайте, инцидент исчерпан. А в этот раз она всерьёз выворачивалась, а потом, наоборот, вцепилась и шепчет:

– Том сказал... Марсиане не сдаются... А ты... Ты ведь тоже марсианин... Ты... – и уже не ругается, а носом хлюпает.

– У меня ты капитан. Меня не призывали. Так что... – я улыбнулся, поцеловал Инге в макушку. А что говорить-то? Что я сам себе приказ отдал: она должна выжить? Можно сказать, конечно: «должна груз доставить», но она же не дура, всё сразу поймёт. Так что лучше промолчать.

Интересно, как Том с её истерикой справился? А она точно была, или я свою ненаглядную не знаю. Надо будет порасспрашивать его потом. Только так, чтобы Инге не слышала.

Постояли мы, обнявшись, потом Инге убежала еду мне готовить, а я пошёл проверять, что у нас осталось. Не так уж и много, если не сказать грубее. Но кое-что из излучателей Том с Инге восстановили. Если что, огрызнуться сможем. Разок, не более.

– Внимание. Выход в норму через четыре часа, – сообщила «Алада».

Заняли места. Этот выход не такой, как два предыдущих, тут никаких резких манёвров, я прямо чувствую, как бережно Инге выводит нас на торможение. Врагов здесь не будет: мы у самой системы, ну, по космическим меркам, конечно. Тут нас бить никто не станет. На атомы распылить, со станций дальнего обнаружения – это запросто, но бить – нет.

– Выход. Приступаю к стабилизации. Внимание, повреждения корабля не соответствуют поставленным задачам. Все системы переключены на поддержание функционирования корабля и работы СЖО.

Как только стабилизировались, вижу «клоунов». Три или четыре. Нет, сразу пять. Идут вровень с нами. Не атакуют, прикрывают. Попробуй кто, сунься, сразу огребёт. Вот никогда не думал, что с такой радостью буду смотреть на МДЧ, чёрные, с красными кляксами. Как только затормозились, нас окружает рой, штук пятьдесят «москитов» и рейдер. Который немедленно выходит на связь.

– «Алада», приём. «Алада», в канале Стриж. «Алада»...

– Стриж, «Алада» на связи, – отвечает Инге. Спокойно отвечает и уверенно, не так, как растерялась тогда, с Игроком.

– «Алада», все живы? Идти можете?

– Живы. Идти можем, драться – нет.

– Драться не надо, теперь это наша работа. Примите данные курса и режима движения. В случае неполадок или невозможности движения заданным курсом или порядком дайте знать, вышлем транспорт.

– Принято, – Инге посмотрела на экран, на приборы, подтвердила. – Идти заданным курсом можем, маршевые системы в норме.

– Хорошо. Спокойной плазмы, «Алада». Очень ждали вас.

– Принято.

Это был странный и спокойный полёт. Мы сдвинули кресла, убрав подлокотники. Инге прижалась ко мне головой, мурлычет что-то себе под нос. Не, ребята, драться я пас. Да и кто на нас нападёт?..

И тут я расслышал, что там моя ненаглядная напевает:

– Бак пробит, хвост горит, но машина летит, на честном слове и на одном крыле...³

Бак пробит... Меня как током ударило.

– Что? – вскинулась Инге. Кажется, я едва не отшатнулся.

– Песня. Откуда ты её знаешь?

– Не знаю, – она тоже вроде как растерялась. – От папашки слышала... кажется. А он откуда, не знаю. А что? Вспомнил, что-то?

– Знакомая песня. Попробую вспомнить. Мотив точно помню.

– Угу, – Инге снова утыкается в меня. Я чувствую, что ей хорошо и спокойно, и мне тоже. Что до меня, то я просто среди своих. Тут ведь главное не столько то, что мы в безопасности, сколько то, что на любого рядом положиться можно, как на самого себя. От этого такое особое умиротворение наступает, ощущение надёжности, что ли. Инге затихла, но я чувствую, что она тоже улыбается тихонько.

– Внимание! Цели, движутся пересекающим курсом!

Ну вот, такую идиллию испортили. Смотрю, кто там. М-да... Терра. И тут же в динамиках стальной голос робота:

– Внимание. Дай дорогу. Не приближаться. Огонь без предупреждения. Не приближаться. Огонь без предупреждения...

³ «Бомбардировщики», в оригинале – *Comin' in on a Wing and a Prayer* (Прилёт на одном крыле и молитве) Авторы – Х.Адамсон и Дж.Макхью. Песня написана в 1943 г., в том же году переведена на русский язык Т. Сикорской и С. Болотинным и записана Леонидом Утёсовым в дуэте с дочерью Эдит.

Инге выпрямилась, подобралась, но я её снова к себе притянул. Ничего не случится. Терряне молодцы, понимают, когда можно в позу встать, а когда не стоит. Так что разошлись красиво. Правда, один просемафорил позиционкой: «Психи». Я перевёл, Инге фыркнула.

Я включил связь с «Денебом», лидером нашего сопровождения.

– Стриж, Тим-Том на связи. Проведёте через Мемориал?

Ну да, Стрижа я знаю. Это позывной Женьки Вебера. Марс планета большая, а вот людей там немного, и такие, как Евгений, известны любому командос, а уж тем, кто любит устрицы, и подавно.

– Тим-Том? Рад слышать. Проведу, конечно. Через оба причём.

– Спасибо.

– С меня причитается. Я с тобой за прошлый раз не рассчитался, а уж теперь... Так что как освободишься, заглядывай, Ксанка свои лепёшки фирменные сделает.

– Замётано. Но я не один.

– Не вопрос.

– Мемориал? – спрашивает Инге. – Тот самый, про который ты рассказывал?

– Да.

Не знаю, в чём дело, но мне почему-то очень важно, чтобы Инге их увидела. Мемориалы. Но ждать долго пришлось. Нам до границ системы, а потом до Марса в общей сложности дней шесть лёта. Ну и понятно, что сидеть в обнимку всю дорогу – непозволительная роскошь. Так что большую часть времени мы занимались кораблём. Я худо-бедно восстановил поля и на пару с Томом оживили несколько установок. И дело не в том, что мы чего-то опасались, нет, в Солнечной безопасно. Просто это правило такое: пока есть время, восстанавливаешь боеспособность. Привычка, знаете ли. Да и не хотелось перед ребятами совсем уж лохом выглядеть. Хотя после наших выкрутасов кем-кем, а лохами нас вряд ли кто посчитает.

Кое-кто может подумать, что в этом полёте основная работа была за мной. Счаз! Не зря Стриж так уважительно с Инге говорил. Понимаете... Вот представьте: вы стоите на краю огромной расщелины. Ну, скажем, с километр. На другую сторону перекинут мост шириной сантиметров двадцать. Будь он на земле, вы и тогда пробежать по такой дорожке с первого раза не сможете. А на высоте, где ветер, и где под вами пропасть? А надо бежать сломя голову, и нельзя остановиться, перевести дух, а вас ещё порывами ветра треплет, дождь идёт, иногда град... Масса покоя «Алады» почти восемнадцать тысяч тонн, и несётся она с безумной скоростью. Каждое попадание требует компенсации, постоянных поправок и коррекции. Отчасти это делает автоматика, но только отчасти. Поэтому после такого рывка, даже в первый раз, Инге была выжата как лимон. Добавьте к этому дикое напряжение и безумные перегрузки, и тогда поймёте истинную степень её участия в этом полёте. Я вам ещё скажу, при прорыве от пилота требуется больше, чем во время обычного боя. Прорыв ведётся... Ну не знаю, по наитию, что ли. Там нет времени думать, там надо чувствовать ногами эту дорожку, как подошва сцепляется с поверхностью, где надо пригнуться, а где наоборот поддаться ветру.

Так что я поначалу Инге работать не давал. Пусть отдыхает. Это мы с Томом привычные, а она первый раз в жизни в такое ввязалась. Правда, надолго её не хватило. Отдыхать, в смысле. Ну а когда мы вошли в систему, наш капитан вообще на мостик перебралась, хотя нас по большей части автоматика вела.

Стриж предупредил, что к Мемориалу подходим, и мы с Томом к Инге присоединились. Том, конечно, мог из любой точки «Алады» посмотреть, но ему нравилось составлять нам компанию. «Я изучаю поведение и эмоции человека»... Приколист. Прекрасно знает, как правильно, но упорно слова корёжит.

– «Алада», обратите внимание, – вызвал нас Стриж. – Оберон, спутник планеты Уран. В своё время тут располагалась наша база Оберон-Один. Именно она начала обстрел армады мантисов, когда они вторглись в Солнечную Систему. Это был первый и самый сокрушитель-

ный удар в начале вторжения. Дальше мы отступали. База смогла уничтожить почти двадцать процентов флота. В основном – тяжёлые транспортные корабли и оружейные платформы. База расположена в одном из кратеров. Сейчас она подаст ритуальный сигнал, и мы ответим.

Оберон просто глазами найти было бы сложно, он маленький и тёмный, но его навигационная система подсвечивала. А вот вспышки лазерного семафора на поверхности прочитывались легко. «Готов умереть» – перевёл я Инге. И добавил, скорее про себя «Всегда!». И повторил громче:

– Сейчас Драконы ответят «Всегда».

Рой синхронно вспыхнул ответными огнями.

– Ти-им! Ты в порядке? – Инге с тревогой заглядывает мне в лицо. А как ей ответить? Что-то странное происходит. Не вокруг. Со мной.

– Да. Нет. Кажется.

Сосредоточиться трудно. Надо вспомнить. Надо вспомнить что-то очень важное. Что-то, связанное с этим кратером. С Обероном. С...

– Что?! – голос Инге спугнул образ, который уже складывался в голове. Может, и к лучшему.

– Эта связь, – воспоминания ускользнули, оставив какую-то тревожную незавершённость. До сих пор не могу понять, хочу я вспомнить или нет. С одной стороны, надо знать, кто ты и откуда. С другой... Я не знаю, что вспомню, и хочу ли узнать то, что узнаю.

– Раньше её называли семафорная связь. Перехватить можно только в оптическом диапазоне, – надеюсь, что голос звучит нормально, но, похоже, зря. В глазах Инге испуг:

– Что с тобой такое?

– А? Связь... Старая система связи, не пойму, откуда я её помню.

А я её знаю – или просто в курсе, как звучит обмен с Мемориалом? Нет, именно что знаю: перевёл же я для Инге «любезности» террян. Но я её никогда специально не учил...

– Всё можно объяснить просто, – неожиданно заговорил Том. – Марсиане её знают, знают, во время пребывания на Марсе, ты, Командир, мог видеть таблицы обозначений и запомнить их. После регенератора информация всплыла на поверхность. По моим данным, такое бывает.

– Наверное, ты прав, дружище. Наверное, ты прав.

Очень хочется верить, что всё так просто.

Мимо следующего Мемориала мы проходим через несколько часов. Второй Мемориал – это сектор первого крупномасштабного сражения Зари. Именно в нём погибли практически все Первые. Те, кто остался после первого боя с мантисами в начале Сумерек. Тогда они встретили флот в районе Юпитера и держали, сколько могли, чтобы на Терре успели эвакуировать крупные города...

Но здесь повторяют другой бой. Я наблюдаю, как юркие МДЧ старого образца крутятся вокруг больших кораблей мантисов. Иногда вспыхивают маршевые или коррекционные движки, видны пуски ракет. Конечно, всё это имитация. Там никого нет, автоматика прокручивает схватку раз за разом. Не всегда, конечно, но нам повезло. Вон кто-то пошёл на таран...

Инге застыла, смотрит, не отрываясь, глаза нехорошо блестят. Кажется, я понял, почему она пугается, когда я в воспоминания свои неувольнимые проваливаться начинаю. Но я-то ладно, а её чем так накрыло? Хотя понятно, чем. Она о людях, которые здесь погибли, думает. Но смотреть на неё страшно. Я обнимаю Инге и притягиваю к себе. Она вздрагивает, утыкается в меня, замирает. А я смотрю поверх её пушистой макушки на обзорные экраны.

– Именно с этого боя началась космическая битва за освобождение Солнечной Системы, – Стриж, не видя, что с нами творится, продолжает рассказывать. – Одновременно с ней на Терре Объединённые Силы Сопротивления подняли восстание, которое готовилось на протяжении всех Сумерек.

– Стриж, что с нашими ребятами? – Инге вывернулась из моих рук.

– Игорь жив, значит и Игрок скорее всего тоже. Пока ничего точнее сказать не могу. Команда эвакуации уже там. Как прилетим, станет понятно. Пока, предположительно, потери Марса и Братства пятьдесят процентов

– Пусть души их станут лоа и хранят нас! – выдыхает Инге.

– Память Вечна, – отозвался Стриж. Похоже, слова Инге ему понравились. – Мы соберём всех и похороним на Марсе. Экипажи Братства будут захоронены там, где они распорядились. Или у нас, у Олимпа, если от них не было распоряжений.

– Это правильно. Все должны возвращаться домой.

Не знаю почему, но эти слова меня до печёнок пробрали.

Дальше мы летели без приключений, если не считать одного... да даже не знаю, как назвать. Мы уже маневрировать потихоньку начинали, ускорение сбрасывать, и тут на нас вылезли два красавца – крейсера Терры. Что они там надумали, я не знаю, но попытались нам вектор перекрыть. И ручаюсь, того, что они услышали, эти ребятки не ожидали:

– Ход не снижать! Сторожевой «Европа», требую дать проход. В случае неподчинения законным требованиям от лица Совета Координаторов Марса я буду вынужден объявить Терре войну. Повторяю, освободите траекторию!

Мы как раз на мостике были, так Инге на меня глаза вылупила:

– Ничего себе! Суровые они.

– Ага, отморозки. Но классные, они тебе понравятся.

Надеюсь. Очень надеюсь, что Инге у нас понравится. На Теллуре, конечно, классно, но Марс...

– Они мне уже нравятся.

Она прижимается и целует меня. У-у-х, хорошо!..

– Эй, Алада, вы в канале вообще-то! – ржёт Стриж. – Хорошо хоть, не в общем.

– «Европа» «Денебу». Следуйте намеченным курсом, препятствий не чиню.

– Спасибо, «Европа». Все возвращаются домой.

– Ваших сильно потрепали? Помощь нужна?

– Если организуете встречу, скажем спасибо.

– Примем и доставим, не волнуйся. Мягкой посадки, Стриж.

Ну, правильно, потрясли кулаками, показали всем, какие грозные, можно и нормально поговорить. Уверен, Женька капитана «Европы» лично знает. Может и пил с ним как-нибудь, или на Терре, или дома.

– А что это они? – Инге с подозрением следит за построенной «Аладой» траекторией расхождения.

– Не знаю, – и правда, поведение какое-то нетипичное. Первый-то раз это обычный патруль был, а теперь?.. Хотя Марс и Терра периодически друг перед другом мускулами играют, но это скорее дань традиции, чем реальная необходимость. Если так, то ребятки не самый подходящий момент выбрали. А если не так?

– Стриж, чего они хотели?

– Вас досмотреть.

– Ни... фига себе!

Это да, это наглость на грани фола. Хорошо, терряне оказались вменяемыми и всё правильно поняли. Но – с чего бы? Видно, реально у нас груз тот ещё. Ничего, думаю, на Марсе всё узнаем. А он уже скоро.

Инге Сонел

Марс я видела. В смысле, в гало и на снимках. Но в натуре это совсем иначе выглядит. Одни спутники чего стоят! Их там аж четыре. Один естественный, Фобос называется. Их было два когда-то давным-давно, но второй, Деймос, мантисы уничтожили. Он вроде как-то в планетарной обороне был задействован, или что-то вроде того. Сейчас в честь него один из искусственных спутников назвали. А вот они тут огромные, просто жуть! Даже орбитальные хабы на Теллуре раза в полтора меньше. Этакие монстры, и видно, что они как будто из разных элементов собраны. Или даже не элементов, а...

– Это... когда-то были корабли?

– Да. В основе каждого – тяжёлые транспортники. Они разгружались и состыковывались, эта возможность была изначально в конструкцию заложена. Конечно, спутники уже много раз модернизировались и переделывались, – этот Стриж, похоже, готов про Марс часами рассказывать. – Деймос – это чисто военная база, на нём проходят подготовку пилоты и экипажи кораблей. База Олимпик – орбитальный завод. База режимная, как и Деймос. Ну и база Дракон, это хаб. Там же центр подготовки гражданского флота, он сдаётся Терре, медицинский центр и ещё много всего. Но главная их функция в другом. У Марса слабое магнитное поле, в начале колонизации его вообще, считайте, не было, так, что-то остаточное. Из-за этого и радиация на поверхности была высокой. Плюс солнечным ветром сдувало атмосферу. Конечно, не всю. Солнечный ветер ионизирует верхние слои атмосферы и создаёт зону ионизации, которая его же тормозит. Но этого недостаточно. Потому спутники, во-первых, создают магнитный щит, повышая плотность атмосферы, а во-вторых, «раскачивают» ядро планеты, чтобы восстановить в нём конвенционные токи и запустить естественное планетарное динамо.

Вот честно? Не читала бы я про Марс до этого, не поняла бы, о чём речь. А Стриж дальше гнал, и я прям слышала, как он рад тому, что говорит. С таким восторгом рассказывал, что я тоже улыбаться начала:

– На Марсе стало значительно теплее, примерно на пять градусов, а пятьдесят лет назад, может, чуть больше, произошло извержение вулкана! Вернее, выброс газа, по сути, но он длился целых семь минут, представляете! Семь минут шло извержение! Наверное, вам это может показаться диким, но этот день назван Днём Жизни. Это как первый вдох. Марс больше не просто глыба камня в космосе, это *живая* планета со своей биосферой. Да-да! У нас есть своя биосфера. Последние триста лет мы ищем в поясе астероидов ледяные образования и возим их на Марс. Вода, углекислый газ... За счёт их таяния повышается плотность атмосферы, дальше включаются бактерии, образующие кислород... Простите, я могу вечно говорить о Марсе, – и Стриж совсем другим тоном сообщил: – Мы выходим на посадочную орбиту. Если хотите, можем подогнать транспорт.

– Нет. Корабль в норме. Если садиться по лучу, проблем вообще нет, – сказала и тут же пожалела. Но уже поздно реверс врубать. Ладно, я не дитё малое, сядем. Как-нибудь.

– Отлично. Тогда полного штиля вам. Передаю вас Олимпу-Три.

– Полного штиля? – слово «штиль» я только на Теллуре узнала. Это когда на море волн нет. А здесь-то оно при чём? Но Стриж сразу объяснил:

– Да. У нас бури бывают. Они и раньше были неслабыми, а теперь... Их стало меньше, но уж если пошла волна, то тушите свет.

– Понятно. Спасибо, Стриж, до связи.

«Тушите свет»? А это что значит, интересно? Наверное, эта... идиома какая-то. Надо будет потом у Тима спросить. Но потом.

Посадка в незнакомом порту всегда требует внимания, даже если на посадочный стол лучом ведут. Или здесь шахты? А сейчас вообще... Как раз как в той песенке, «на честном слове и на одном крыле...» Вправду интересно, откуда я её знаю? Вроде никогда не вспоминала раньше. Ладно. Не об этом сейчас надо думать.

– «Алада», вызывает Олимп-Три.

– Олимп-Три, слышу вас.

– Даю посадочный луч. Сброс скорости на первой трети, дальше мы вас подхватим и посадим. Мягкой посадки, «Алада». Погода отличная.

Ну да, подхватим и посадим... Но начало посадки никто вместо меня не проведёт. Очень не хотелось опозориться. Вот кто меня за язык тянул говорить, что корабль в норме! Я в прямом смысле слова взмокла, пока в створ вошла. «Алада» реагировала с опозданием, шла нестабильно, нас трясло и болтало... Всё-таки одно дело – полёт по условно-прямой траектории, когда вся коррекция идёт на пару-тройку градусов по любой оси, и совсем другое – манёвры на входе в атмосферу. Да уж, судя по всему, Марс – это не ласковый Теллур, где даже в верхних слоях – тишь да благодать. Можно подумать, я не рейдер, а челнок орбитальный сажаю, так нас болтало.

– Тормозные на минимум. Створ зафиксирован. Погрешность отсутствует.

Я уж и не думала с первого раза это от диспетчера услышать. Казалось, так криво иду, что придётся или подниматься – и на второй заход, или передавать управление наземному контролю. И то, и другое – то ещё позорище. Но вроде всё получилось.

– Тяга на ноль. Входим в створ.

Нас снова потрянуло – сработал силовой захват. Всё. Теперь от меня уже ничего не зависело. «Алада» мягко заскользила вниз по лучу – а мне стало страшно.

Я ведь хотела на Марс! Чтобы попытаться узнать, что Тима с ним связывает, и вообще на планету интересно посмотреть, но я как-то по-другому сюда прилететь думала. А сейчас, как нарочно, всякие жуткие истории про КБМ в голову полезли. Причём ведь ничего конкретного про них не рассказывают, так... Что там сплошные звери работают, убить любого могут, «нет человека – нет проблемы» и всё такое. И умом понимаю ведь, что это чушь, скорее всего, я и с функционерами МУКБОПа общалась, и с Адмиралтейством... Нормальные там люди работают! А всё равно – жутко.

– Касание.

Всё. Марс. И что теперь с нами будет?

– «Алада», с прибытием. Ждите, сейчас мы вас в шахту спустим.

– Принято, – отвечаю, а у самой в голове вертится: из шахты просто так не вырвешься, они что, это нарочно? Да и куда нам вырываться, «Алада» еле живая, нам не уйти, если что... Мне даже системы отключать не хотелось, но пока нас под поверхность опускали, стандартную процедуру провела. А вот интересно, здесь посадочные шахты такие же, как дома? В смысле, на Нове-17? Там-то – просто шахта и выходы в коридоры. На Теллуре и на Тиране посадочные столы открытые, корабли оттуда просто на платформах спускают и отгоняют, если надо, а здесь как?

Ага, «такие же шахты», как же! Я рот открыла, когда увидела. Да тут зал подземный раза в три, если не в четыре, больше трюма «Стерегающего». Прямо интересно стало выйти и посмотреть, тут ведь точно без конструкционных полей не обошлось... Но и боязно.

– Ну что? С чемоданами на выход? – Тим довольный такой, а мне даже от кресла отлипать страшно. – Ты чего?

Ну и как объяснить, чего я боюсь? Глупо ведь, глупо... Но это же Тим, а я уже решила, что от него никаких секретов у меня не будет.

– А нас тут... не того?

Тим сначала не понял, а потом заулыбался:

– Глупенькая! – он меня обнял, к себе прижал и в макушку поцеловал. Тим всегда так делает, когда хочет показать, что всё в порядке. – Это же Марс, тут так не бывает.

– Да? Точно-точно? Ну ладно, – я встала и, кажется, чуть к потолку не взлетела. – Это какая же здесь сила тяжести?

– Ускорение свободного падения на Марсе составляет 3,711 метра в секунду за секунду. Это в 2,642683912691997 раз меньше стандартной. Упрощая до точности, которые могут воспринять человеки...

– Спасибо, Том. Я поняла.

Ага, только к этому надо приспособиться, а это непросто. Те же «чемоданы», конечно, оказались лёгкими, вот только менее неповоротливыми и громоздкими не стали. Так что мы их на тележку в итоге погрузили и как раз в шлюз закатывали, когда по связи услышали:

– «Алада». Давление в норме. Дезинфекция закончена. Добро пожаловать на Марс!

Я открыла шлюз, мы вышли, и оказалось, что трюм... зал, куда нас поставили, ещё больше, чем на экранах выглядел. Он был светлый, чистый, и – вот уж это точно неожиданность! – одна из стен вся в зелени. В живой. Там даже цветы какие-то были. Мне захотелось подойти и рассмотреть, но нехорошо как-то получилось бы. Нас ведь целая толпа встречала. Техники – этих ни с кем не спутаешь, они везде одинаковые – уже на «Аладу» накинулись. В сторонке трое, на нас смотрят внимательно так, на нарукавных нашивках – какие-то палки с крылышками и змеями. Не знаю, что за символ, но судя по стандартным сумкам в руках, медики. И человек пять непонятных, в смысле – никаких знаков, шевронов и всего такого. Только фамилии на куртках, на нагрудных карманах. У всех, кроме одного. Народ весь загорелый, светловолосый, только один из технарей брюнет, да тот из «непонятных», что без нашивок – темноволосый, с седыми висками. Но он вообще странный. Так посмотреть, такого же роста, как остальные, но если ни с кем не сравнивать, кажется маленьким и каким-то... сморщенным, что ли. Тощий, лицо узкое, глаза внимательные. Я никак не могла понять, кого он мне напоминает, а потом сообразила. Крысу. Не мясную, толстую и ленивую, а декоративную. Они забавные, умные и любопытные. Вот в этом типе что-то такое и было... крысиное. Оказалось, кстати, что на Марсе крыски декоративные – любимые домашние зверьки. А ещё эти... щеглы и канарейки. И попугайчики маленькие. Это уже птицы, а не звери, они яркие, красивые, а некоторые ещё и поют здорово. Но это я уже потом узнала.

В общем, те четверо непонятно кого сразу у нас груз забрали и увезли, а этот самый, на крысу похожий, к нам шагнул:

– Рад приветствовать вас на Марсе, товарищи. Меня зовут Пётр Иванович Гейнц.

Тим Найдёнов

И опять встаёт вопрос: что же мы привезли, если нас встречает лично директор КБМ? Заочно я был с ним знаком: Гейнц, тогда ещё первый зам, курировал моё дело, когда меня нашли. Тогда чести пообщаться не удостоился, теперь вот довелось. Не скажу, что счастлив от этого, особистов я никогда не любил, но и отрицательных чувств он у меня не вызвал.

Сколько Петру Ивановичу лет, совершенно непонятно. Может, пятьдесят, а может, и сто. А уж если он Чёрный Дракон, то судить о возрасте совершенно невозможно. Драконы, говорят, не доживают до преклонных годов, хотя и как мухи не гибнут. Просто пожившие воины всегда идут в первых рядах, сберегая детей и внуков. Могу ошибаться, но Хранителю Олимпа было едва не больше двухсот лет, когда он ушёл.

– Я директор Комитета безопасности Марса, – буднично сообщил Пётр Иванович. – Я провожу вас домой, вас осмотрят медики, потом... отдохайте и милости прошу ко мне. А пока...

Он сделал шаг вперёд, пожал руку Инге, и неожиданно для неё, да и для меня тоже, обнял. Она захлопала глазами, а потом заулыбалась. Видимо, почуяла, что всё в порядке. Гейнц и мне руку пожал, и обнял – быстро, коротко, но даже я понял – от души.

– Пока от себя и всего Марса приношу вам нашу искреннюю благодарность за то, что вы сделали.

Как-то неловко у него получилось. Вот уж не думал, что увижу расчувствовавшегося особиста! Надо как-то разрядить момент, но я никогда в таких вещах силён не был. Можно, конечно, ответить, как положено марсианину, но как-то не тот момент, да и не я тут главный, а капитан мой растерялась. Так что я спросил:

– Пётр Иванович, а краска у вас есть?

Он тоже вроде как не понял, зато один из техников мигом рядом нарисовался:

– Сколько?

– Пока четыре, две побольше: волков завалили, – а что, тут есть чем гордиться, это я без ложной скромности говорю.

– На *этом*? Ну, вы даёте, хотя... Кораблик-то прокаченный, как посмотрю, – техник уткнулся в свой комм. Ну да, они же уже подключились к системам. – Ого! Уважаю. Ничего, мы тоже немного пошаманим, станет ещё лучше.

Так, главное, не дать им с Инге языками зацепиться, а то она тут на полдня застрянет. А мне уже хотелось оказаться где-нибудь, где можно упасть и отдохнуть. Всё-таки не очень хорошо я себя чувствовал.

От Олимпа-Три до Светлого мы ехали на «метро» – так здесь называют убранные в туннели от пыльных бурь и эрозии поезда на магнитной подушке. И всю поездку, и тут, в городе, Инге вертела головой, разинув рот. Не знаю, к каким подземным городам она привыкла дома, но судя по всему, не к таким. Светлый был построен по местным разработкам и полностью соответствовал названию. Широкие улицы-туннели, выделенные галереи под электрокары, зелень по стенам и потолкам... Инге первый раз вблизи увидела марсианский плющ и, разумеется, спросила:

– А почему он под сеткой? Чтобы руками не трогали? Он нежный такой?

– Не совсем, – Пётр Иванович улыбнулся. – У него сок очень едкий, а запах, если увлечься, может вызывать галлюцинации. Обычно жуткие. Поэтому его иногда цветком страха называют. А иногда – цветком дураков.

Инге нахмурилась, потом заулыбалась:

– В честь тех, кто упорно пытается потрогать-понюхать?

– Именно. Если вам цветы нужны, – Пётр Иванович на меня глянул, – у нас оранжереи есть. Кстати, советую их посетить – там очень красиво.

– А розы там растут?

– Да, но мало. Розы у нас не очень-то прижились.

– Жаль. Они красивые...

Вот не знаю, поняла ли это Инге, но Марс, пожалуй, единственная планета, где начальник такого уровня, как Гейнц, может спокойно пройтись по улице, без охраны и группы прикрытия. Мы с Инге, кажется, больше внимания привлекали, чем он. Ну да, парочка откровенных тюленей в лётных комбезах. Инге даже «сбрую» снять забыла, так в ней и шла. Умоталась при посадке, похоже. И перенервничала. Вот что она себе напридумывала про Марс и страшный КБМ? Ничего, сейчас окажемся дома и отдохнём.

Квартирка, которую нам выделили, была типичной марсианской квартирой: спальня, гостиная комната, санузел и небольшая кухонька, где шибко не поготовишь, но попить кофе или чай в уютной обстановке можно. Не знаю уж почему, но на Марсе два-три человека для посиделок предпочитают именно кухню, а не гостиную или бар.

Кстати, о баре и прочем общепите. Любой марсианский город разделён на сектора, и в каждом секторе есть необходимое число заведений, чтобы все могли поесть, не готовя дома. Это и сближает, и более гигиенично. Нет, по домам тоже собираются, но совсем небольшими компаниями, максимум человек шесть. Помнится, когда была годовщина моего «нахождения», мой учебный командир просто пришёл в бар рядом с нашими «казармами» и сказал бармену: «У Найдёнова праздник, будет столько-то народу». Я и не знал ничего. Только когда пришёл в бар, куда позвали друзья, обнаружил тёплую компанию сослуживцев и накрытую поляну. Марсиане весьма компанейские люди, и скоро все посетители отмечали мой «день рождения».

– Всё. Никуда не пойду, – Инге растянулась на приличных размеров кровати, всем видом демонстрируя: не кантовать. Да, вот только сейчас врачи заявятся.

Как будто в ответ на мои мысли от дверей раздался запрос на вход. Отто Степанович оказался молодым и на вид въедливым специалистом. А главное, сообразительным. Поэтому на возмущённое Ингино «Я в порядке и с места не сдвинусь!» и мой кулак только покивал, нацепил ей на руку диагност и через минуту снял: «Нужен отдых, потом зайдёте, если что, а так всё в норме». А мне сказал, что всё же стоит пройти медобследование: после корабельного регенератора это всегда нужно делать. Пожав плечами и чмокнув Инге, я двинулся за доком. Но тут заминочка возникла: доку на комм что-то упало, он глянул, удивился и снова к Инге подошёл:

– Боюсь, я вынужден вас ещё разок побеспокоить. Нужен анализ крови.

– Зачем?

Я тоже удивился: у него же диагност, зачем кровь понадобилась? Инге – по мордашке видно было – собралась вроде как из принципа повозмущаться, но протянула руку и дала уколоть себя в палец. Ладно, спецам виднее, главное, чтобы с Инге всё в порядке было.

– Что с ней, док? – спросил я, как только за нами закрылась дверь.

Тот рукой махнул:

– Она в порядке, не волнуйтесь. Это так, перестраховка.

А вот врать Степаныч не умеет, похоже. Или сам толком не знает, в чём дело. Интересно... Ладно, не тот это случай, чтобы человека к стенке припирать и правду из него выколачивать. Это Марс, если с Инге что-то не так, скрывать ничего не будут и помогут.

Кстати, докторов на Марсе чаще всего по отчеству называют, в память о Михалыче, первом враче Марса. Если, конечно отчество не Фридрихович или чего хуже, Адельбрехтович. А что? Адельбрехт – вполне себе имя. На Марсе колонисты были русские и немцы по большей части, вот и имена в основном русские и немецкие.

– А со мной что? – это я уже спросил, когда мы до медблока на электрокаре доехали и док меня в стационарный диагност засунул. А потом – на физиотерапию отправил. И чем-то обколол, чтобы жизнь совсем мёдом не казалась. В общем, поговорить мы смогли только после того, как я после всех процедур оделся и в порядок себя привёл.

– Ничего непоправимого. Но надо пройти курс реабилитации. Слишком мало времени прошло между двумя применениями регенератора. Надо помочь организму нормально восстановиться. Тут необходимо более вдумчивое лечение, традиционными способами.

– Диета и всё такое?

– И это тоже. Но не переживай. Несколько процедур, подкреплённых сбалансированным рационом питания...

– Пиво-то можно?

– *Пиво* можно, а вот от инопланетного пойла лучше воздержаться.

– Живём, док!

Я улыбнулся, только сейчас поняв, насколько соскучился по нормальному марсианскому пиву. Если честно, на Тиране я предпочитал виски, а на Теллуре... Меня немного передёрнуло, вспомнились литры, если не тонны, сока померанца.

– Тим, что-то не так? – док среагировал на мою дрожь мгновенно.

– Да нет, вспомнил просто про сок.

– Сок? У тебя появилась аллергическая реакция? На что именно?

– Не, Степаныч, аллергия у меня в основном на металлы, которые в меня насильственно засовывают, а сок... Вы пили сок померанца?

– Конечно. И террянский, и с Теллура. Прекрасный напиток, богатый витаминами и микроэлементами.

– Угу. Вот и я пил. Много. Моя ненаглядная на их шкурках училась швы накладывать. Знаете такого доктора Мака, из хатонов?

– Наслышан. Лично не знаком, но надеюсь на следующей конференции встретиться. Его позиция мне очень близка. Я тоже считаю, что образование современных врачей недостаточно. Сейчас доктора больше знают электронику, чем биологию и анатомию, а это всё-таки база! Но при чём тут сок?

– При чём? Уважаемый хатон Мак сказал Инге, что кожа померанца напоминает человеческую, вот она и принялась под его руководством осваивать базу. Училась инъекции делать и швы накладывать. А мякоть в сок. Знаете, сколько туристов на турбазе Теллура бывает?

– Они там вообще есть?

– Во-во. Так что сок у меня был на завтрак, обед и ужин. А ещё охлаждённый на пляже, у мангала и так далее. Не скажу, что он мне теперь противен, но лучше всё-таки пиво.

– Понятно. А то я уж испугался. Всё, Тим, можешь идти. Три визита, каждый приём на три часа. Через недельку будешь как огурчик.

– Зелёный и в пупырышках?

– Старая шутка. Но тот же Мак сказал бы, что человек, как и огурец, состоит в основном из воды. Кстати, тут кроется одна из причин, по которым вредно часто быть в регенераторе. Он не может воссоздать природную воду, так что пей побольше воды и...

– Пива?

– Точно. Я не шучу. В сказках про живую и мёртвую воду есть доля истины. Природная вода содержит массу микроэлементов, которые регенератор не может возместить. Именно поэтому все врачи рекомендуют космонавтам пить по возвращению много обычной воды. Самой простой. Ну а наше пиво делается на нашей воде, так что, не злоупотребляя, пей, сколько влезет.

Ну да, это Марс. Тут фразочка «не злоупотребляя, можно сколько влезет» звучит вполне обычно. Видели бы вы лица некоторых людей на Теллуре, когда им говоришь «да нет» или

«это точно, наверное». И Теллур – это ещё ничего, а любой сангусец просто у виска покрутит на такое...

Домой вернулся к тому времени, когда Инге, посвежевшая после душа и с бутылкой этого самого пива в руках, мучила обзорное окно. Тщетно, надо сказать. Оно и понятно: у неё первое посещение Марса, поэтому большой тонкий экран включит видовые картины только после того, как она всё увидит своими глазами. Так что, как Инге ни щёлкала кнопками, на экране вместо пейзажей шла типовая инструкция для туристов. Я успел вовремя, говорили о самом вкусном:

– ...марсианские продукты имеют ограниченный срок годности и доставляются на другие планеты специальными курьерскими кораблями. Стоимость доставки составляет основную часть цены готового продукта в ресторанах ТС. Теперь о самом вкусном и полезном. Где, и главное, на что вы можете покушать. В вашем секторе размещения находится один ресторан «Эллада» и три бара: «Фронтир», «Пивная Устрица» и «Плазма». В этих заведениях вы можете заказать торжественный ужин, посидеть с друзьями или попить пива в непринуждённой обстановке. Если вы хотите просто поесть, то в вашем секторе две замечательные столовые. На что вы можете покушать? На данный момент ваш статус «Гость». Вам надо поместить вашу карту-идентификатор в приёмное устройство и произвести обмен валюты ТС на марсианские рубли по курсу согласно вашему статусу. Денежные средства будут прикреплены к вашему идентификатору, и вы сможете расплачиваться ими в любой точке Марса.

Инге отставила бутылку с пивом и прижала браслет к считывателю. Диктор на мгновение умолк, а потом радостно сообщил:

– Инге, ваш статус изменён на статус «Друг». Вам предоставлен неограниченный лимит обмена по льготному курсу. Также сообщаю, что ваш корабль проходит ремонтно-профилактическое обслуживание на верфях Марса, затраты по работам приняло на себя правительство Марса, – Инге удивлённо посмотрела на меня, я кивнул. Чего-то такого я и ожидал, если честно. И только ещё интереснее стало: что же мы такое привезли? – Если хотите, можете вызвать гида, который проведёт для вас обзорную экскурсию по мемориальному комплексу и парку Олимп. Также сообщаю, что торжественные мероприятия пройдут через десять дней, – тон диктора изменился. – Сейчас наши спасательные команды проводят поисковые работы для обнаружения всех участников рейда. Всем выжившим будет оказана соответствующая медицинская помощь. Всех ушедших передадут родственникам, а при их отсутствии или согласии – захоронят на Марсе с отданием воинских почестей согласно традициям Марса и Родины ушедшего. Имена ушедших участников рейда будут занесены в книгу Памяти Марса. Они с нами, пока мы помним. Мы живы, пока помнят о нас. Спасибо, что воспользовались моими услугами. Вы всегда можете обратиться ко мне, выбрав соответствующий пункт меню.

Диктор замолчал.

– А что это значит – «Друг»?

Я взял из бара бутылку и открыл, наслаждаясь характерным чпоком. Сел в кресло, Инге мгновенно пристроилась рядом. Кресла на Марсе, которые в жилых помещениях, мне очень нравятся. Нигде больше такого не видел. Эдакие мешки, наполненные крошкой из пластика – отходов химического производства и прочих переработанных материалов. Конечно, они только для неформальной обстановки годятся, но нам сейчас – самое то.

– «Друг» – это реально круто. Это значит, что стоит захотеть, и тебе сразу дадут гражданство. А гражданство Марса – это, я тебе скажу, немало. Например, если твой сигнал SOS услышит корабль Марса, он не просто пойдёт на помощь, а ещё и подмогу вызовет. А что Рой делает, ты видела. Ну и это не всё, конечно. Ты теперь можешь пользоваться всеми благами Марса наравне, ну почти, с гражданами. Старое кино, например, смотреть. Если Флин узнает, от зависти помрёт.

– Давай побережём его.

– Давай.

– А врачи что сказали? – Инге подлезла мне под руку, пристроилась головой на груди. Сразу стало хорошо и как-то правильно спокойно. Так, как должно быть. Словно мы не несколько месяцев знакомы, а лет двадцать, если не больше. Или вообще, вместе были всегда. Сама Инге говорит, что так получилось из-за лоа, это они нас свели ради какой-то цели. Ничего так гипотеза, хотя сразу возникает вопрос: а что за цель-то? Конечно, если в лоа верить. Но я-то в них не верю. Скорее всего, дело в моей потерянной памяти, хотя Инге – точно не та девушка, которую я видел во сне. Я плохо её помню, это всё-таки сон, но моя жена была белой, светловолосой и...

Моя жена?

Голова предупреждающе заболела.

– Тим? Ты в порядке?

– Что? А, врачи... А что они скажут? Ещё несколько процедур, и буду здоров, как... бык, – мы помолчали. Мелькнувшие было воспоминания ушли, растворились, и я вдруг понял, что совершенно не представляю, чем заняться. В том плане, что нам нечего делать. Мы выполнили свою задачу и можем с чистой совестью отдыхать. Но я после процедур чувствовал себя бодрым, да и Инге, судя по всему, уже успела прийти в себя. Конечно, у нас всегда есть один беспроектный вариант – в смысле, чем заняться, но...

– Ну что, к особисту или на Олимп?

– Ну-у... Ты же вроде как болен ещё, а Пётр Иванович, – её акцент мне очень нравится, забавно выходит, – сказал, что к нему после врачей. И вообще, хочу Марс увидеть! – Инге с угрозой посмотрела на экран, на котором крутилась геометрическая заставка. – А то чего он дразнится?

– Тогда вызывай экскурсовода, – мне и самому хотелось выйти на поверхность. Соскучился, если честно.

Когда мурлыкнул сигнал от двери, мы сидели в гостиной и весело трескали чипсы под пиво. Марсианское пиво имеет слабый мягкий привкус, очень необычный привкус марсианской воды. Мне сложно описать это словами. Но если вы когда-нибудь попробуете марсианское пиво, то после станете пить только лучшие сорта, потому что обычное пойло, что продаётся в любом баре, будет... Ну это, знаете, как... Как мне пойти на abordаж в стандартной броне. Можно, конечно, но после Том Тома как-то не так. А главное, опьянеть от нашего пива очень сложно. Нет, можно, конечно, есть приёмчики, но это специально стараться надо.

– Всем привет. Ганс Шелест, можно просто Ганс, – вошедший парень уже был одет в классический комбинезон для выхода на поверхность. На обвесе красовался значок с улыбающейся драконьей мордочкой. Всё понятно: такие носят только Чёрные. Вообще у них стандартный камуфляж – серый от тёмного до очень тёмного и кирпичный разных оттенков, парадка – просто тёмно-серый с кирпичной прострочкой швов. Но сейчас на Гансе был гражданский вариант: ярко-бирюзовый. Для гражданских комбизов подбирают цвета, которые не встречаются на поверхности и не теряются в марсианском освещении: от вырвиглазно-зелёного до светло-фиолетового. И люминесцентные полосы по рукавам и штанинам пускают, чтобы если что, поисковику-спасателю человека проще найти было.

Мы вытащили комбизы, которые нам на Теллуре Игорь сосватал. Ганс придирчиво их оглядел, проверил, хмыкнул, но удовлетворённо кивнул:

– Сойдёт на первое время. Потом правильные подгоним, ребята их для вас сейчас делают. Ну что, пошли?

– Пошли.

У входа ждал электрокар – Ганс повёз нас не к станции «метро», а к стандартному шлюзу. Инге снова вертела головой, не скрывая восхищения:

– Как у вас много места... И воздух свежий. Как у вас это получается?

– У нас лучшие во всём ТС системы замкнутого цикла жизнеобеспечения. Собственно, всё, что используется сейчас на других планетах – развитие наших идей. Конечно, такое, – Ганс обвёл взглядом высокие потолки, увитые плющом, – получилось далеко не сразу. Я потом вас свожу в старый город, что у первого космодрома. Это сейчас у нас есть нормальные улицы, а тогда... Тогдашняя улица поуже во-он того переулочка будет, пожалуй. А пока поедem в Олимп, это в первую очередь. Кстати, выходим как в космос, через шлюз. Лекцию по технике безопасности прослушали? Тебя, Тим, это не касается, а Инге – малёк.

– Малёк? – новое слово в словаре моей ненаглядной.

– Малёк – это новобранец, – Ганс поставил кар на стоянке у шлюза, в него сразу села какая-то парочка и укатила в город. С транспортом тут всё просто, хотя обычно марсиане предпочитают ходить пешком. Кары берут, если далеко или торопятся. Ну а для самых торопыг и для связи между городами есть «метро».

В шлюзе Ганс снова придирчиво проверил наши комбинезоны, что-то поправил, скорее для проформы, и, довольно кивнув, нажал клавишу на стене. Зашипели насосы, выравнивая давление, внешний створ медленно пошёл вверх, полоска жёлто-оранжевого света упала на пол и начала расти, стало ощутимо холоднее.

Ну вот теперь по-настоящему: «Здравствуй, Марс! Я скучал по тебе».

Инге Сонел

На Марсе холодно. Это я поняла, как только створ начал открываться. Нет, мне и до этого доводилось мёрзнуть, но тут... Это и сквозь комбез ощущалось, и я прям видела, как ледяной воздух в шлюз заползает. Даже подумала – может, ну её, эту прогулку, но потом решила, что нет. Раз Тиму тут хорошо и нравится, то попробую.

Конечно, я и фотографии поверхности видела, и когда диктор вводную лекцию читал, там тоже Марс показывали, но как-то мельком, что ли? То есть там больше было про опасности всякие. Как на Теллуре про пиявок. Ну, про плющ нам Гейнц ещё по дороге рассказал, про ёжиков я от Тима и Игоря уже давно знала, но вот то, с чего передача началась, для меня сюрпризом оказалось. Диктор так сказал: «Первое и основное правило Марса, дорогие друзья: если вам не понравился Марс, завершайте свои дела и улетайте. Мы рады гостям, но если Марс вас не принял, мы не хотим рисковать вами». Я сначала подумала, это прикол такой, и потом поняла, что он на полном серьёзе говорит. И как-то даже жутковато стало.

Поэтому, когда мы наружу вышли, я боялась. Во-первых, замёрзнуть. А во-вторых – что мне на поверхности плохо станет. В смысле, что Марс меня не примет. И что мы тогда делать будем? Я даже Тима за руку схватила, когда первый шаг из шлюза сделала. Но ничего страшного не случилось. Просто под ногами не пластотон, а плотный грунт и мелкие камушки. И снаружи не так уж холодно, или я привыкла быстро. На вид вообще казалось, что тут тепло должно быть. Наверное, потому, что здесь всё рыжее. Поверхность – серо-рыжая, небо – рыжее с розовым, а солнце маленькое, но яркое, без фильтров смотреть тяжело. Тим с Гансом не торопились, дали мне оглядеться. Они, кстати, были в масках и капюшонах, а мне полноценный гермоколпак надели. Рано, сказали, просто так гулять.

Прямо за нами был выход, причём не люк, в который надо по лестнице подниматься, как я дома привыкла, а полноценный такой проход, в скале вырезанный. Когда створ закрылся, его только за счёт люминесцентной и световой маркировки увидеть можно было. Недалеко от шлюза – гараж для вездеходов в скальной нише, и её, судя по всему, тоже можно закрыть полностью. А ещё дальше, метрах в ста, башенки решётчатые, целое поле, между ними не то трубки, не то тросы в несколько рядов натянуты, и на них какие-то штуковины висят. Как куски плёнки разных размеров. Рядом – два холмика, слишком ровненькие и кругленькие. Я пригляделась – точно геодезики надувные, только под слоем грунта. Ганс посмотрел, куда я уставилась, и объяснил:

– Эти медузья ферма. А купола – для персонала и систем подачи питания. Там не тросы, а трубки, как в гидропонной оранжерее, через них вода и бактериальный бульон подаётся, вот медузы к ним и прилипают.

– А потом из них всякие ткани делают, так?

– Именно.

Посмотрела я, как медузы на трубках висят, покачиваются слегка, то ли под ветерком лёгким, то ли просто так, и дальше оглядываться начала. Трубу «метро» – поезда на магнитной подушке – увидела, мы как раз на ней сюда приехали от космопорта, горы, скалы... Колеи накатанные от шлюза разбегаются в разные стороны, какие уже почти пылью и песком занесло, какие свежие совсем. А над горизонтом поднимается... фигня какая-то. Горы – не горы, стена – не стена, что-то такое... огромное, что сразу и не сообразишь. Ну я и спросила:

– А там что?

– Там? Олимп. Самая высокая гора на Марсе и во всей Солнечной. Двадцать шесть километров.

– А-а... А почему её не видно?

Ну а правда, почему? Двадцать шесть километров – это же представить страшно! Если она такая огромная, её же издалека должно быть заметно! Или... нет? Я мысль додумать не успела, а эти двое опять ржут:

– Почему не видно? Вот он, – и Ганс рукой на эту стену непонятную тыкает. – Это он.

– Вот эта вот... стена?

– Это подножье Олимпа. Саму гору можно нормально увидеть только из космоса. Он очень большой, но очень пологий.

– А-а... тогда понятно, – говорю. А что, и вправду понятно. Если всё так, то просто кривизна планеты не даст вершину увидеть. А жаль. – Туда подняться можно?

– Можно. Но только в нормальных скафах: там уже почти вакуум, наверху.

– А подлететь посмотреть?

– Можно, конечно, но у нас особо летать в атмосфере не любят.

– Почему?

– Бури. Сами по себе они не опасны, атмосфера ещё не настолько плотная, чтобы ветром что-то ломало или сдувало, но они поднимают песок, и вот он-то как наждаком проходится... А последнее время бури случаются всё чаще. Планета оживает.

А я сразу про медуз подумала. Может, они и прочные, но если ветер сильный, их же с тросов сорвёт, и что тогда? Искать, собирать и на место развешивать? Но я даже спросить не успела, как Ганс сказал:

– Ферму при необходимости полями прикрывают. Это давно уже не проблема.

– А, хорошо тогда... – а вот интересно, как Ганс узнал, о чём я спросить хочу? Хотя... Тим всегда говорит, что у меня на лице всё во-от такенными буквами написано. – Надо будет посмотреть. Не на бури, на Олимп.

– Всё-то тебе надо, неугомонная... – Тим головой покачал, но я вижу, что ему мои слова понравились.

– Да, а что?!

Тим с Гансом рассмеялись только.

Сели мы в вездеход – Ганс его тележкой назвал, – и поехали. Тут уже хорошо видно было, что от города что-то типа трассы ведёт. Конечно, это не дорога с покрытием, но она расчищена, камни убраны, и даже колеи можно заметить. И чем больше я по сторонам смотрела, тем красивее всё становилось. Или я начала замечать больше. Оказывается, земля и скалы не просто тускло-рыжие, тут много цветов и оттенков, и красное что-то есть, и синее. А тени от камней чёрные, изломанные, и это красиво очень, но и тревожно как-то. Небо, если внимательно посмотреть, не рыжее вовсе, а розовое и золотое. Как закаты на Теллуре на море. И всё вокруг причудливо, но и торжественно, даже сурово. И вот странно: дома, на Колонии... Нове-17 тоже горы одноцветные, в общем-то, серо-жёлтые такие, но там это совсем по-другому смотрится. И скалы острые, местами торчат во все стороны, а здесь всё более пологое, что ли? Более... солидное, во. Или нет. Более древнее. Так правильно.

И вот, наверное, минут десять прошло, может, чуть больше, мы уже далеко от города отъехать успели, как я почувствовала... странное что-то. Как будто кто-то на меня смотрит. Внимательно так смотрит, изучает. Кто-то большой и строгий. Даже неуютно стало, хотя и понятно, что этот «кто-то» зла мне не желает. Так что, наверное, это не то, о чём диктор предупреждал, а как раз местные лоа? Но кто я такая, чтобы они на меня внимание обратили? Ведь в таком древнем мире лоа должны быть очень могущественными. А если ещё вспомнить про Первых... В общем, я не удержалась и спросила:

– А это нормально? Ну, как будто смотрит кто-то?..

Спросила и думаю: вот сейчас Тим с Гансом на меня тоже... посмотрят, как на дуру какую. И они действительно на меня уставились. А потом переглянулись и заулыбались.

– Что?!

– Помнишь, ты про марсианский геном спрашивала? Так вот, он существует. И он, похоже, у тебя есть.

– В смысле? – вот не было печали! Хотя, может, это здорово?

Тим с Гансом снова переглянулись, и Ганс объяснил:

– Есть три категории людей. Для одних – таких подавляющее большинство – Марс просто ещё одна планета в ряду других. Некоторым на поверхности становится жутко. Их преследует беспричинный страх, возникает желание убежать и спрятаться. Это значит, что Марс их не принял. Если они не улетят, то рано или поздно погибнут, причём глупо. И скорее раньше, чем позже. А есть те, кто на поверхности чувствует чьё-то внимание. Как ты. Это Марс приглядывается к тебе. И это – единственный способ выделить носителя марсианского генома. Кстати, это значит, что ты можешь пройти подготовку по программе драконов, если захочешь, конечно. Но это – ставить имплантаты, потом тренировки, долгие и сложные... В общем, то ещё удовольствие.

– А ты такую подготовку прошёл? – ну да, я уже поняла, что за значок у него на комбезе висит. Но Ганс головой покачал:

– Я не обычный дракон, а Чёрный. Мы – прямые потомки Первых. Марс изменил наших предков, и наши способности врождённые.

– У всех? У всех потомков? Ведь столько времени прошло, поколений сменилось, и вообще...

– Не у всех, конечно. У кого-то способности угасают, у кого-то через несколько поколений вдруг пререзаются. Мы легко определяем таких детей, и... В общем, сложная история. Но мы отслеживаем генетические линии всех Первых. Наши специалисты, в смысле, отслеживают. Хотя самыми яркими носителями способностей Чёрных было первое поколение. Дети Первых. У них, говорят, даже генетическая память была. В смысле, помнили что-то из того, что знали их родители. Их тоже Первыми считают. Но когда это было!

– Ясно...

Значит, я правильно поняла. Это лоа. И это здорово, но и жутковато слегка. Ведь местных лоа надо почтить, а как? Ох, надеюсь, они поймут, что я готова показать им своё уважение и почтение, но не знаю, как сделать это правильно. А ещё это значит, что нам не придётся из-за меня улетать, и это тоже просто отлично.

– О, а вон ёжики, – Ганс притормозил и осторожно объехал россыпь шариков, словно сплетённых из мелких колючих веточек. – Мы их стараемся не убивать без нужды.

– Ну и правильно. А можно его потрогать?

Я думала, будет как на Теллуре с пиявками: мол, седи в машине, смотри только оттуда, но Ганс сразу вездеход остановил. Ещё раз наши с Тимом комбезы проверил, чтобы не пёрли нигде, и говорит:

– Подожди здесь, – а сам к ёжикам пошёл. Правда, медленно, видно было, что осторожничает, а Тим какую-то пушку из вездехода потянул, толстую такую, с коротким дулом... в смысле, стволом. Я уже пожалела, что спросила, но Ганс поднял один шарик, по-простому так, и мне принёс:

– На, – говорит, – играй. Только осторожно.

Я ёжика взяла, а он живой, хотя выглядит точь-в-точь как комок скальной лианы. Есть у нас на Нове такая штука. Паразит, в общем-то – живёт только на других растениях, и живучая, зараза! Помнится, кто-то в зону рециркуляции не то семена, не то побеги случайно занёс, так мы думали – не выведем. Это уже реально катастрофа была бы... Так вот, у неё не плети, а скорее мочалки такие длинные растут, их можно буквально в шарик скатать. А сорванная мочалка начинает искать, за что зацепиться, чтобы не засохнуть, и побеги тоненькие выпускает. Вот и получается: шарик, а из него во все стороны веточки растопырчатые. И ёжик такой же. Только «побеги» у него упругие и гибкие, а не как у лианы засохшей. Он смешной вообще:

лежит, веточками шевелит, вроде просто так, а если посмотреть – к краю ладони подбирается. Медленно-медленно...

– А он животное или растение?

– Нечто среднее. Аниплантария – растениживотное. У него свойства и тех, и других есть. Это тебе с нашими биологами поговорить надо, они лучше объяснят. А растение – вон.

Я посмотрела, куда Ганс пальцем ткнул, а там и вправду между камней кустик плюща. Только я не сразу поняла, что это плющ. В городе он пышный, зелёный, а здесь, снаружи – листья тёмные-тёмные, почти бурые, и видно, что ему тут тяжело, на поверхности, но растёт упрямо. Мне, честно скажу, его жалко стало, я осторожненько, чтобы не оборвать, пару плетей на солнышко выложила – и ахнула. На нём между листьями такие комочки были, я думала – почки, а это цветы оказались. И они прямо на глазах раскрываться начали. И вот странно: в городе плющ цветёт роскошно, гроздьями бело-розовыми. А здесь цветы невзрачные, серовато-зелёные. Но как по мне, так вот эти вот дикие намного красивее. Хотя они и меньше, и совсем не такие яркие.

– А больше здесь ничего не растёт?

– Ну почему, – Ганс у меня ёжика забрал и на место отнёс. – В расщелинах между камнями, в низинках плёночники растут, и мхи местные. Собственно, именно ими ёжики и медузы питаются. Хотя медузы больше по бактериям и простейшим. А вообще – да. И это странно.

– Почему? Странно, что цветок на поверхности выживает?

– Нет. Вернее, не только это. Говорят, что плющ нашли Первые, когда строили космодром. Обнаружили замёрзшие побеги во льду, смогли восстановить... Но все остальные автохтоны, которых тоже из «марсианской спячки» – в смысле, гибернации во льду – вывели, куда примитивнее. Капуста, креветки, устрицы – они все из одного исторического периода. А плющ – из другого. И больше никаких высших растений на Марсе нет.

– А откуда он тогда взялся?

– Никто не знает.

– Поня-атно... То есть непонятно, конечно, но интересно. А плёночники – это что?

– Колонии фотосинтезирующих бактерий. Они как плёнкой тоненькой камни покрывают, поэтому так и называли. Потом как-нибудь покажу.

Я ещё немножко на плющ полюбовалась, и мы дальше поехали.

Тёмная стена, про которую Ганс сказал, что это основание Олимпа, поднималась всё выше. И уже видно было, что не такая уж она и тёмная, местами вообще блестит на солнце, и неровная. Зато она была по-настоящему большая. Вернее, громадная. Она уходила вверх, чтобы увидеть её край, надо было задрать голову к небу, но он всё равно терялся в золотистой дымке. Ну никак я не могла понять, что это – не гора, а подножье горы. Просто в голове не укладывалось. И почему-то чем дальше я на неё смотрела, тем отчётливее представлялось, как у этих исполинских скал медленно плещется тёмная вода. Мне даже казалось, что я слышу – вернее, как-то ощущаю – медленный ритм волн. Или это кровь в ушах шуметь начала? С комбезом что-то не то? Нет, Ганс же недавно его проверял...

– Здесь было море?

– Да. По одной из гипотез, эти вертикальные склоны – результат того, что Олимп подмывал древний океан. Но последнее извержение Олимпа подняло Фарсиду⁴ и, собственно, убило планету. Слишком много магмы вылилось за один раз, ядро разбалансировалось, ну и... Кстати, всё нагорье изрыто лавовыми ходами и колодцами, именно поэтому здесь было удобно строить подземные города.

Похоже, все марсиане часами про Марс рассказывать готовы. Сначала Женька с «Денеба», теперь Ганс... Он ещё что-то говорил, но я его в пол-уха слушала: лучше в Сети

⁴ Провинция Фарсида (лат. Tharsis), Тарсис – огромное вулканическое нагорье в районе марсианского экватора.

почитаю, на слух я не очень люблю информацию воспринимать. А потом Ганс замолчал, тележка – буду называть, как местные, хотя, по-моему, слово глупое и смешное, – нырнула в низинку, поднялась на гребень, и я увидела Мемориал.

На фоне циклопической отвесной скалы комплекс выглядел игрушечным, но понятно было, что он огромный на самом деле. И первое, что я заметила – корабли. Пять штук. Белые, но в марсианском освещении – розово-золотые, классической стреловидной формы, как айки, но намного больше. Видно было, что они годятся и для атмосферы, и для межпланетных полётов. Мне сразу захотелось посмотреть на них поближе, может быть, подняться в кабину, посидеть за пультом. Ведь если я права, именно на чём-то таком люди впервые вышли в космос! И они сохранились... Невероятно! А ещё они стояли как-то странно. Я не сразу поняла, а потом сообразила: там же ВПП! И корабли стоят классической шахматкой, чтобы по очереди на взлётку выезжать. Так они что, в рабочем состоянии? Ничего себе...

И там был парк, про который Тим рассказывал – островки зелени среди каких-то построек, но разглядеть пока ничего не получалось: парк закрывало силовое поле, а в атмосфере по любой силовой защите постоянно рябь идёт. То пылинка пролетит, то ветер подует. Но видно, что там, под куполом, люди какие-то ходят.

А ещё там были лоа.

Тим Найдёнов

Инге Марс нравится! Откуда знаю? По поведению. Уж её-то любопытство и интерес я всегда определяю. Здесь ведь как: если Марс тебя не принимает, ты ощущаешь дискомфорт, страх. Есть, конечно, смельчаки, которые пытаются побороть их, но... где человек, а где планета. Можете считать меня суеверным, но Марс живой, а для марсиан он и папа, и мама. Короче, все, кого Марс не принимал, и кто при этом здесь оставался, очень нехорошо заканчивали свои дни. А Инге... Сначала-то ей страшно было, а потом собралась и как давай головой вертеть и охать да ахать. И что показательно, страх у неё был не от Марса, поверьте, такое чувствуется. По-моему, мы перегнули палку с предупреждениями, и она боялась, как бы меня не подвести, глупенькая.

Но что касается предостережений, то тут всё-таки лучше перегнуть, чем недогнуть. Когда я только тут оказался, случилась одна очень поучительная история. Прилетела пара тюленей, парень с девушкой. Нормальные ребята, только вот парня Марс не принял, а у девушки не то командировка, не то ещё что. Дела, в общем, на Марсе. Ему сказали: сиди в городе, мы твою девушку свозим, всё покажем, во всём поможем и вернём. А он с ней попёрся.

На Марсе же как... Если Марс вас не принял, и вы остались в городе, никто вам слова худого не скажет, в спину не посмотрит с жалостью или ещё чем. Марс таким людям отказывал, до которых мне расти и расти. Наш сержант, который был моим командиром, про Марс когда рассказывал, так честно и сказал, что едва не обделался на первом выходе. А потом просто не мог выйти. Вернее, мог, но через силу. Мы тогда с ним и сошлись: новобранцы типа меня стали ехидничать, ну я и ткнул тихонечко самого рьяного, а серж заметил. Спросил, почему, ну я и сказал, что жил на Марсе и знаю, как оно бывает.

Короче, ничего зазорного нет, если у вас «марсианка». А тот парень решил в героя поиграть, мол, ему всё нипочём. Съездили они в Олимп, а там фонтан как раз включили, красота, в общем. Они постояли, полюбовались... То ли несколько капель в складках костюма у парня осталось, то ли он ударился где колпаком, то ли ещё что, но, когда пошли к тележке, шальной ёж и стрельнул по нему. Девушка к парню, ну и... А всё почему? Марс не любит самонадеянных – это про парня, и дураков – это уже про девушку. Надо было внимательнее слушать на инструктаже. Если ёж выстрелил в твоего спутника, немедленно применяй оружие по ежу. Не беги к напарнику, как бы цинично это ни прозвучало. Он либо уже мёртв, либо ты не поможешь ему, не разобравшись сначала с ежом. Дело в том, что этот гадёныш после первого успешного выстрела понимает, сколько семян может прокормиться в среде, в которую он попал. И вот сколько можно, столько он и выпустит. Обычно – пять-шесть игл на среднего человека. От попадания одной, если не в голову, спасти можно, а вот если больше – всё. Да и то, семечко надо сразу резать, вернее, как можно быстрее. И кстати, если человек выжил, то, скорее всего, Марс его примет. А эта дура, вместо того, чтобы стрелять по ежу, кинулась к парню, ну и тоже огребла. Не то случайно под удар попала, не то прикрыть решила. Короче, когда рядом оказался местный зритель, с ними уже ничего сделать было нельзя. Так-то. А бывает и просто, нюхнёт плюща и анафилактический шок, с концами...

К чему это всё? К тому, что Инге Марс принял. Теперь можно спокойным быть. Признаться, я тоже нервничал: ведь, если что, пришлось бы её в городе оставлять и сваливать с Марса побыстрее. А это было бы тяжело и мне, и ей. Мне – потому что я Марс люблю, ей – потому что сваливаем из-за неё, а я Марс люблю. Но всё обернулось как нельзя лучше. Вон, даже ёжика в руки взяла, сумасшедшая. Тут уж все вопросы отпали, такое можно сделать, только если Марс тебя не просто принял, а зацепил.

Пока ехали, рассказывали с Гансом о Марсе. Если честно, говорить о нём я могу так же долго, как о Том Томе, или как сама Инге рассказывает об «Аладе». То есть бесконечно. Так что скучно нам не было. На грунте едва заметно проступали следы тележек, впереди ждала громадина Олимпа, теряющаяся где-то вдаль. Олимп – он не как теллурианские горы, он и широкий, и высокий. Тот самый случай, когда и обойти сложно, и перепрыгнуть. Крутых склонов нет, ну если не считать обрывов и обрушений, так что вершина далеко от подножья не только по вертикали, но и по горизонтали. Ну и облака... У нас, конечно, нет таких облаков, как на Теллуре или Терре, но Марс уже живой. Нет-нет, да пройдёт по небу вполне себе приличное облачко. Причём не как когда-то в древности, из конденсата углекислого газа или только над Лабиринтом Ночи. Уже вполне себе наполненное водой, пусть не на сто процентов и даже не на пятьдесят... Марс медленно, но верно оживает, и это заметно. Того же плюща по дороге к Олимпу я в прошлый раз не видел.

– Ганс, а откуда он? Посадил кто, или...

– В том-то и дело, что сам, – Ганс довольно улыбнулся, словно речь о его сыне зашла. – Уже несколько лет как начал на поверхности сам по себе разрастаться.

– Так рос же вроде едва не с самого начала?

– Не... Понимаешь, его тогда надо было высадить и следить несколько лет. Только потом он начинал нормально расти, да и то иногда уход был нужен. А эти сами. За ними специально никто не ухаживает, пусть учатся.

– Верно.

Ну да, Марс суров, но справедлив. Если можешь и хочешь выжить, выживешь и даже сильнее станешь. Вон, те же Первые тому пример. Пришли, считай, ни с чем, но жили, и боролись, и строили. Так что в один прекрасный день так стрекозоидам врезали, мало не показалось. Стрекозоиды? Нет, мантисы скорее на богомоллов были похожи. Да неважно. Важно, что Марс, как и Теллур, это дом колонистов, пионеров, тех, кто постоянно борется за жизнь. Нет, не с планетой – с судьбой, наверное, с самим собой. Марс давно мог принять предложение Терры и перейти под её протекторат. Тогда и ресурсы получил бы, и поддержку, но нет. Марсиане маленький и свободный народ, свою свободу и свой выбор – жить по собственным правилам, – они готовы отстаивать до последнего, как и Теллур, кстати.

Я ещё раз глянул на «дорогу». Ну да, точно, следы. Машин пять, наверное. Интересно, неужели нам повезёт? Это было бы классно, Инге такого никогда не видела. Если там будет приём в пионеры, значит, фонтан включат...

Так и есть, на парковке несколько пассажирских тележек. Вот славно, но Инге, стоило нам остановиться и выйти, сходу нацелилась на корабли. Ничего удивительного, «лебеди» выглядят так, словно готовы в любой момент взречь движками и взметнуться в небо. Они какие-то... величественные, что ли? Рядом с той же «Аладой» не ощущаешь себя мелкой букашкой, хотя она гораздо больше, а тут... Вон и Инге голову чуть вжала, но смотрит восторженно. В этих кораблях чувствуется сила. Именно на них и на первых МД люди встретили флот вторжения. Корабли мантисов и сейчас были бы серьёзной угрозой. Сейчас! А предки не только дали им бой почти шестьсот лет назад, но и победили. Нет, конечно, в большом космосе у «лебедей» или МД-1 шансов нет, не те скорости, не то техническое обеспечение, но вот внутри системы они и сейчас – сила. Особенно если за штурвалами такие пилоты, как Первые или Чёрные Драконы.

– Это «лебеди», – Ганс говорил тихо, не так, как по дороге. – На них пришли Первые. Потом можно будет лучше рассмотреть. Нам туда.

Мы прошли сквозь силовое поле, прикрывающее парк, и сняли капюшоны. Здесь ежей и медуз не бывает, им сквозь купол не проникнуть. Инге с завистью посмотрела на нас. Ганс ухмыльнулся и снял маску. Инге испуганно пискнула, а когда я потянулся к своей, попыталась повиснуть у меня на руке.

– Спокойно, – Ганс положил руку ей на плечо. – Всё в порядке.

– Да-а?.. Ну ладно, – Инге отступила на шаг, но в глазах читалось сомнение. Я ей улыбнулся, мол, всё хорошо, сделал несколько коротких резких выдохов и тоже снял маску.

Вкус марсианского воздуха не сравнить ни с чем. Он ледяной и пьянящий, лёгкий и тягучий одновременно, его хочется больше и больше... Но тут понятно, кислорода в марсианской атмосфере очень мало. Стоит увлечься – и начнётся кислородное голодание, потеряешь сознание – и всё, конец. Но пару минут можно себе позволить. Это Драконы способны часами в местной атмосфере без масок обходиться, у них клеточное дыхание и вообще обмен веществ хитрый какой-то.

Инге с подозрением посмотрела на меня, на Ганса, и выдала:

– А почему у вас кровь не закипает?

– Не понял. В смысле – «не закипает»? – вопрос поставил меня в тупик. Из-за чего у меня кровь должна вскипеть-то? Когда сообразил, Инге уже заговорила:

– Ну, помнишь, на Теллуре нам объясняли, почему они не ныряют глубоко? Что если нырнуть с баллонами, то потом надо отвисеться при всплытии, иначе кровь закипит. А пока висишь, тебя сто раз сожрут. Здесь то же самое с давлением должно быть, что и при всплытии, разве нет? – очень серьёзно так говорит, носик морщит, наверное, до сих пор дуетса, что понырять не дали. Леса ей было мало...

– Понял. Смотри, когда ты ныряешь глубоко под воду, то сам вдохнуть не можешь, давление снаружи высокое. Поэтому в тебя под давлением же загоняют дыхательную смесь.

– Погоди, а почему не жид...

– Золотце, это курорт. Как ни крути, а семьдесят процентов теллуриан в космосе не были, а если и были, то пассажирами, а из тех, что остался, только малая часть сможет вдохнуть кислородный гель и не испытать при этом массы отрицательных эмоций. Это курорт же, отдых.

– Ясно. Ладно, и что дальше?

– Дальше всё просто. Как с банкой пива. Её на глубине под давлением накачали, и потом она резко всплывает – и пш-ш-ш-ш. Как будто открыла крышку тёплого теллурианского.

– Ага, вся в пене и липкая. Понятно. А тут?

– А тут такого нет. Просто прежде чем снять маску, мы начинаем немного иначе дышать, чтобы не стать пивной банкой, и всё. Несколько месяцев тренировки, и это может освоить каждый.

Ничего ядовитого в марсианской атмосфере, по сути, нет. Вернее, не так, есть – углекислый газ. Но при невысокой плотности атмосферы и сложности дыхания вы просто не вдохнёте столько, чтобы им отравиться. Ну и сейчас его не под девяносто процентов, заметно меньше. Особенно тут, под полями, рядом с фонтаном и плющом. И наличие того же углекислого газа отличает дыхание на Марсе от задержки дыхания на выдохе. Это разные вещи получаются, совсем.

– То есть я...

– Нет. Технику-то освоить можно, а вот хватит ли тебе кислорода, который в атмосфере, это вопрос вопросов. Некоторые марсиане могут немного дышать атмосферой Марса, но это не первое поколение. Все Драконы могут, ну и я вот. А тебе в любом случае потренироваться надо сначала, а дальше доктор скажет. Или можно под наблюдением Чёрного попробовать...

Я снова надел маску – вспомнил вкус марсианского воздуха, и будет. Не надо лапулю мою пугать. Ганс одобрительно кивнул – Драконы не любят пустой бравады, – и мы пошли в парк.

Конечно, до парков Теллура Олимпу далеко. Здесь только один вид растений – плющ, зато его много. Он обвивает скамейки, специальные опоры – и просто решётки, и арки, и конусы, и даже по чаше фонтана вьётся. Кстати, фонтан этот – единственный на Марсе, и включают его очень редко. Радиальные дорожки как раз у него сходятся, а дальше – одна аллея, к Стене Памяти. Туда мы и собрались, но тут в динамиках радостно и картаво прозвучало:

– А тепей, по пгосьбе замечательной Киви и нашего дуга Обеонца, рок-н-голл!!! – и в уши хлынул весёлый ритм, от которого даже мне захотелось танцевать, хотя я не большой любитель этого дела.

– Смотрите! – ахнула Инге.

Вот оно! Фонтан вспыхнул лучами подсветки и в небо ударили струи воды. Часть взметнулась ввысь, замерзая и распадаясь на мелкие льдинки, и лучи разноцветных лазеров заставили ледяную взвесь играть и переливаться тысячами искр. А брызги, которые остались ниже и не перешли пороговый барьер, где температура резко падала, попали на плющ. Цветы ещё сильнее раскрылись, и оказалось, что дикий плющ может поражать своими красками не хуже городского. На фоне музыки «блуждающей волны» это выглядело сказочно.

– Какая красота! Спасибо, Олимп! – Инге посмотрела на меня горящими глазами, потянулась поцеловать и рассмеялась. – Надо научиться без маски обходиться. Хотя бы на полминуточки. А Оберонец и Киви – это кто?

– Оберонец? Вообще оберонцами называли членов команды базы на Обероне. А ещё так звали их командира. Это про него и была речь. Про него и его подругу, пилота. Собственно, мой род идёт от них, – объяснил Ганс. – Они улетели на Оберон, оставив детей дома. Знали, что вернуться не получится. Хотя... По легенде, когда началась Заря, кто-то слышал позывной Оберонца в эфире.

– То есть это – в честь ушедших?

– Это... А кто его знает. Это призрак. Фантомная передача из прошлого. А может, Изя Гофман сидит под землёй и прикалывается над нами, играя в шахматы с Михалычем. Изя Гофман – это наш первый координатор финансов, таможни и торговли. В смысле, министр. По совместительству – радиоведущий.

Ганс замолчал, задумавшись о чём-то своём. Струи фонтана опали, насосы втянули воду, осушая чашу, музыка затихла после первого же куплета зажигательной песенки, и мы пошли дальше.

Обычно те, кто читает про Стену Памяти в путеводителях, представляют нечто огромное и монументальное. Да, изображение «лебедя» по центру стены большое, хотя не в натуральную величину, конечно, но сама Стена, в которую переходят плоскости – метра три высотой. И имена погибших за Марс и Терру вырезаны в камне широкой лентой – чтобы читать, не приседая на корточки и не задирая голову. Сейчас перед стеной шеренгой стояли ребяташки, важные и торжественные, и несколько взрослых. Мы остановились в аллее, не выходя на площадь перед Стеной, чтобы не мешать.

– Что это? – тихо, словно её могли услышать, спросила Инге. – Церемония какая-то?

– Мальков в пионеры принимают, – так же тихонько ответил Ганс.

– А что это?

– Пионеры? Детская организация, ещё с давних пор. Ребята клянутся быть как Первые и быть первыми во всём, в том числе в строительстве и защите социализма. Хотя у нас давно уже коммунизм, – Ганс хмыкнул, поглядел на Инге. – Ты про такое и не знаешь, наверное.

Та пожала плечами. Мне вообще показалось, что торжественная церемония Инге не заинтересовала. Нет, она внимательно наблюдала, как серьёзные детишки по очереди выходили из строя, поворачивались лицом к товарищам и произносили слова клятвы, но зуб даю, она что-то другое видела и слышала. Уж больно она была сосредоточенная. Впрочем, я и сам знаю, что Олимп – место непростое, а с её чувствительностью – или как это назвать?.. Даже не представляю, что Инге могла тут почувствовать.

Последняя девчушка вернулась в строй – и шеренга распалась, превратившись в стайку радостных и возбуждённых детишек. Они направились к музею, а мы прошли через опустевшую площадь. Я уже бывал здесь, и не раз, но Инге... Будет ли это важно для неё? Хотелось

бы, но по большому счёту – ей это всё чужое. Мне даже стало больно при мысли, что для неё Олимп и память Первых окажутся чем-то пустым и незначительным.

Но я зря волновался. Инге обогнала нас с Гансом. Быстро подошла к Стене, погладила холодный камень. Медленно, старательно разбирая слова, прочитала стихи, вырезанные на обтекателе изображения «лебедя»:

Вспомним всех поимённо,
сердцем⁵
вспомним
своим...
Это нужно –
не мёртвым!
Это надо –
живым!
Вспомним
гордо и прямо
погибших в борьбе...

Есть
великое право:
забывать
о себе!
Есть
высокое право:
пожелать
и посметь!..

Стала
вечною славой
мгновенная
смерть!⁶

– Это... Имена ушедших? – Инге повернулась к нам, и я понял, что зря переживал. Ей было не всё равно. Совсем не всё равно.

– Да. Слева – Первые, погибшие во время Сумерек и Зари. Справа – другие участники тех боёв. Ну и те, кто погиб в ходе боевых действий уже потом. За прошедшие годы.

Инге коротко, со всхлипом, вздохнула. Имён было много, очень много.

Она постояла перед стеной, потом быстрым движением опустилась на колени и прижалась колпаком комбеза к земле. Ганс удивлённо крикнул и посмотрел на меня. Он был растерян, и не знал, как реагировать. Я, честно сказать, тоже не представлял, что делать, но в одном не сомневался: тут нет рисовки, Инге была искренней и делала то, что считала нужным и правильным.

Она встала и подошла к нам: глаза в пол-лица и блестят нехорошо. Но то, что она сказала, удивило и меня, и, похоже, Ганса:

– А город Олимп... Он там, внизу, да?

– Да, – вот про это ей никто не рассказывал, насколько я знаю.

⁵ В оригинале – «горем».

⁶ Р. Рождественский «Реквием» (Вечная слава героям...)

– Он... Он не законсервирован. Он просто спит. Они... Там... – Инге встряхнулась, словно сбрасывая наваждение, и снова повернулась к Стене: – Я ещё приду. Обязательно. И станцюю для вас. Обещаю.

Ох, ты ж! Опять мистика всякая началась. Ведь это она не мне сказала, и не Гансу. Первым! А Ганс только кивнул понимающе. Ну да, марсиане же верят, что Первые не умерли, а просто ушли. И вернуться, если Марсу или Терре будет грозить опасность. Инге с её лоа отлично в эту компанию впишется, тут сомневаться нечего. Так что я только облегчение почувствовал, когда мы от Стены ушли и Ганс нас в музей повёл. Всё-таки без всяких таких штучек мне спокойнее.

Инге Сонел

Как описать, что я почувствовала там, у Стены? Не знаю. Но Олимп – это точно место невероятной силы. Да, сейчас на поверхности ощущается только слабое эхо, но... Вот у Тима, когда он спит, лицо становится, как у мальчишки. Но я знаю, какой он сильный, и быстрый, и опасный на самом деле. Так и тут. Лоа Марса – лоа-воины, и именно здесь, в Олимпе, их дом. А самое странное – здесь и светло, и грустно, и радостно одновременно. Словно все те, кто погиб, на самом деле где-то здесь, и смотрят на своих потомков, и радуются за них, и грустят, что не могут прикоснуться, и мне их так жалко вдруг стало, что я чуть не расплакалась там, у Стены. Странно, я ведь никого из них не знала, это просто имена на отполированном красно-буром камне, но как будто они, Первые, для меня родные. Я даже испугалась немножко, если честно. Потому что когда *такие* лоа обращаются к тебе, это неспроста. Да и вообще, если подумать, всё как-то неслучайно получается. Как мы с Тимом встретились, как сразу вместе оказались, как слетались с первого раза, теперь вот это... Странно. Странно и страшно. Может быть, лоа надо было, чтобы я попала на Марс? Но зачем? Непонятно.

Пока мы шли к музею, я спросила:

– А почему там, на Стене, слева, одно имя пропущено? Цифра стоит, а имени не написано. Как будто место оставлено.

– Так и есть, – кивнул Ганс. – Первых, настоящих Первых, было семьсот семнадцать человек. Те, кто записаны дальше – это уже второе поколение. Их дети. Они тоже считаются Первыми.

– А почему именно семьсот семнадцать? Не пятьсот, не тысяча? Такое число странное?

Ганс помолчал, словно сомневаясь, но ответил:

– Это не просто... Это те, кого Марс изменил. Первые Чёрные Драконы. А пропущенное имя... Ты заметила, что имена не по алфавиту? Их вырезали на Стене в том порядке, в каком устанавливали судьбу погибших или находили их тела. Марка Гомаро, Последнего Первого, мы искали пятьсот лет...

И тут я поняла, что мы привезли. Вернее, кого.

И раньше, чем язык прикусить успела, брякнула:

– Но теперь он вернулся домой?

Ганс посмотрел на меня, внимательно и серьёзно, и улыбнулся:

– Да. Теперь он вернулся домой. Как раз сейчас вы его портрет увидите. Ну, не только его...

По Гансу видно было, как он счастлив, что этого Марка нашли, но пока мы к музею подходили, я всё думала: выходит, те пилоты, которые рейдер таранили, знали? Знали, что они погибнут ради того, чтобы мы привезли на Марс останки, мёртвое тело? Не понимаю. Не понимаю и думать об этом не хочу, потому что сразу слёзы к глазам подступают, и злиться начинаю. Зачем было умирать – ради этого? Зачем?! Ведь так, как те марсиане дрались, можно за будущее своё драться, за детей своих драться! Но с ними хоть что-то понятно: Первые – могучие лоа, я и раньше это подозревала, а теперь точно убедилась. Так что привести в свой дом ещё одного такого предка-покровителя – большое дело, в этом смысл есть. Но команда Игрока? Они за что дрались? За деньги? Ну кто-то, может, и так, они же наёмники... Но вот почему-то не верилось мне, что Игрок только ради денег в эту историю ввязался. В общем, странно как-то всё складывалось.

В музей мы входили через шлюз, и тут можно было колпак снять. И первое, что я почувствовала: цветами пахнет. А потом их увидела. Розы. Они не в вазе стояли, а росли в контей-

нере у большой картины, которая прямо напротив входа висела. Там вообще в этом зале только картины и были, три штуки, огромные.

Понятно, что я в первую очередь к той пошла, у которой розы. Они маленькие, с мелкими цветочками, но самые настоящие. А на картине нарисованы четыре женщины: тёмно-рыжая, крепкая, суровая, даже недобрая какая-то, две блондинки, одна пониже, другая повыше, широкоплечая, кого-то она мне напоминала, но я никак не могла понять, кого, и очень красивая брюнетка с огромными раскосыми глазами. У рыжей в руках был какой-то прибор, у блондинки пониже – контейнер с плющом, у второй блондинки – ёжик, а четвёртая женщина держала бумажную книгу. Это как-то очень мирно смотрелось, вот только за их спинами, фоном, горели и падали с неба какие-то атмосферники, лежал в засаде снайпер... или снайперша?... кому-то крутили руки, положив лицом на капот древней наземной машины. По низу картины, над рамой, шла надпись: «Женщина – хранительница очага, но хранить его можно по-разному. М.Л-О»

– Это Первые. *Самые* Первые, – объяснил Ганс. – Дело в том, что до официального старта большой экспедиции на Марс отправилась группа из семи человек. Должно было восемь, но Вальтер Орлов был тяжело ранен и не успел восстановиться к моменту старта. Это Дарья Калугина, – Ганс показал на рыжеволосую, – капитан. Дальше Марина Ланге, первый пилот, Герда фон Окле, ксенобиолог, и Анжелика Тарань, техник. До экспедиции они все были военными: два боевых лётчика, контрразведчик, снайпер... А здесь, на Марсе, стали начальником космодрома, координатором жизнеобеспечения и экологии, директором КБМ, координатором образования. А потом снова пошли воевать.

– А ещё трое?

– Вот, – Ганс повернулся к другой стене. – Сергей Кривец, начальник экспедиции и первый глава Республики, Игорь Мурашов, его зам, Николай...

– Игорь Мурашов? Интересно, а тот Игорь, который в экипаже Игрока?..

– Скорее всего, его прямой потомок, – улыбнулся Тим. – Смотри, они даже похожи чем-то.

– Кстати, да...

Эта картина была другой. Не парадный портрет, так это, кажется, называется, а эпизод из жизни. Трое мужчин обсуждали что-то, стоя вокруг стола с разложенными на нём огромными листами – бумажными картами. Все трое крепкие, загорелые, бритые налысо, очень серьёзные. Но если приглядеться, то понятно, что Сергей – весельчак, который старательно притворяется грозным начальником, Игорь по жизни мрачный и сосредоточенный, а Николай – просто деловой парень, без закидонов. Есть работа – значит, надо работать. Не знаю, как у художника это получилось, но характеры прям видно было. Здорово! Я даже пожалела, что рисовать не умею.

– А там?.. – я к третьей картине повернулась, но тут в зал ещё два человека вошли. Пётр Иванович Гейнц, который директор КБМ, и тот доктор, что у нас был. И как-то мне сразу тревожно стало, ведь понятно, что они здесь не просто так появились. Они к нам идут, а я чувствую, что оба нервничают, но как бы сказать... по-хорошему нервничают, словно новости у них замечательные, просто не знают, как поделиться.

– Ганс, – Пётр Иванович остановился и улыбается. – Соню нашли.

– Я знаю. Я чувствовал, что она жива, – Ганс кивнул, губы у него как-то странно дрогнули. – Тяжёлая?..

– Мозг цел, а руки-ноги – дело наживное...

Они постояли, глядя друг на друга – и обнялись. Не знаю, как Тим, а я себя в этот момент лишней почувствовала. Нет, понятно, что что-то хорошее случилось, но что? Мы с Тимом переглянулись, и доктор нам объяснил тихонько:

– Соня Гейнц – невеста Ганса. Она была среди тех, кто пошёл на таран, чтобы вас провести.

– Гейнц? Она... дочь?

– Да.

Ничего себе! Дочка директора КБМ пошла на таран? И отец её отпустил? И Ганс тут с нами возился вместо того, чтобы её искать? Марсиане – реально странные люди. А с другой стороны... Может быть, так и должно быть? Как раз так – правильно?

Гейнц тем временем повернулся к нам:

– Вы спрашивали, кто изображён здесь?

И как-то так он это спросил, что я вдруг поняла: а новости-то не кончились. Кажется, самое интересное впереди. Вот только мне почему-то опять жутко очень стало и захотелось за Тима спрятаться. Но вместо этого я только кивнула, и мы к оставшейся картине подошли. Там тоже трое мужчин нарисованы, в лётных комбезах на фоне «лебедя». Один чернявый, какой-то каменно-спокойный, второй белобрысый, намного моложе. Он тоже пытается серьёзное лицо делать, но в глазах смешинки. А третий – чернокожий, стоит, улыбается, зубами сверкает.

Пётр Иванович объяснил:

– Это те, кто привёл следующие корабли. Эти двое, Павел Титоренко и Вальтер Орлов, должны были пилотировать корабль официальной экспедиции, но случилась катастрофа и строительство большого транспортника остановилось. А на Марсе кончались ресурсы. И тогда эти психи вызвались вместо одного корабля вести сразу два «лебедя», – как-то это «психи» очень почтительно у Петра Ивановича прозвучало, даже с восхищением. – На Терре не было других пилотов, готовых к таким перелётам... Титоренко вёз людей, у него была полноценная смена. А Орлов летел с одним вторым пилотом, чтобы взять больше полезного груза. Это Марк Гомаро, кубинец. Куба – это остров такой на Терре... Первый кубинец на Марсе, – Пётр Иванович помолчал и сказал такое, что я не сразу поняла, о чём он. – Инге... Товарищ Гомаро. Это ваш отец.

Понятно, что в музей мы не пошли. Вместо этого мы поехали назад, хотя я не очень поняла, зачем. Я вообще ничего не понимала. Только держала Тима за руку. Я даже сквозь перчатки чувствовала, какая у него горячая ладонь. И она *была*. Это очень важно, потому что всё вокруг стало каким-то ненастоящим. Ненадёжным. И оно всё где-то далеко-далеко было. Доктор меня даже несколько раз спросил, всё ли со мной в порядке. А что со мной случится? Всё было в порядке, я просто *не понимала*.

Потому что такого не могло быть.

Пётр Иванович мне всю дорогу что-то говорил. И я вроде даже его слушала, вот только никаких мыслей в голове не было. А потом мы к нему в кабинет зашли, доктор мне что-то налил в стаканчик маленький, я думала, там лекарство, а оказалось – какой-то очень крепкий алкоголь. Такой крепкий, что у меня дыхание перехватило, и я закашляла так, что слёзы из глаз потекли. Но, наверное, именно это мне и надо было, потому что я наконец-то смогла губы разлепить.

– Подождите, – говорю. – Я чего-то не понимаю. Вы говорите, что Марк Гомаро – мой отец? А амазонка Майя – не моя бабушка, а мама? Но как такое может быть? Гомаро погиб пятьсот лет назад. Он что... зомби?

– Думаю, что всё-таки несколько проще, – очень серьёзно ответил Пётр Иванович. – Официально считается, что это легенда, но мы, КБМ, знаем, что это неоспоримые факты. Именно Марк Гомаро и его друг, Оберонец, начали операцию «Заря». Они каким-то образом – вот тут никто не знает, как им это удалось, – проникли на корабль мантисов, нанесли удар по их флоту изнутри и подали сигнал к началу атаки. Конечно, разгуляться им не дали. Но перед тем, как корабль был расстрелян, на нём сработали гиперкатапульти. Возможно, это были мантисы. Но тел Гомаро и Оберонца не обнаружили. Система, аналогичная современной «Последней

надежде», существовала и тогда. И если ваша матушка нашла вашего отца и вывела его из «холодного сна», то всё объяснимо.

Объяснимо? Что объяснимо? Что мои родители – это не мои родители? Что моя настоящая мама – красавица-амазонка с волосами цвета марсианского неба? А отец... Отец – не Мигель, а весёлый чернокожий мужчина с портрета? Так, да?

Нет, не понимаю.

– О том, что произошло дальше, мы знаем точно. Ваши родители по-настоящему полюбили друг друга. Они собирались вернуться... прилететь сюда. На Марс. Но не с пустыми руками. Они нашли... Назовём это вычислителем Странников. В попытке достать его ваш отец, Марк Гомаро, погиб. Ваша матушка не смогла в тот раз забрать вычислитель и его тело. Как мы поняли, она скрывала всё от своих, от других амазонок, и ей пришлось их оставить и участвовать в общем рейде. Как раз на Нову-17. Там родились вы. Ваша матушка спрятала вас в «люльке» – артефакте Странников, и улетела за телом Марка и вычислителем. Она хотела забрать их, вернуться за вами и улететь сюда. Но, судя по всему, столкнулась с каким-то противником и погибла в бою.

Пётр Иванович говорил спокойно, медленно, уверенно, но как будто на языке, который дип-си мне в мозг вписал, а практики ещё не было: вроде всё понятно, а ничего не понятно.

– Подождите. Не понимаю. Ведь это было давно. Это что же... мне семьдесят лет?!

Тим меня за плечи приобнял, но я его руку сбросила. А потом снова в Тимову ладонь вцепилась. Потому что надо же за что-то держаться!

– Хронологически – да. Биологически вам чуть больше двадцати. Вы провели в «люльке» минимум пятьдесят лет. У вас в крови до сих пор есть соответствующие маркеры.

– А мои родители? Ну, мама... Кармелита, Мигель?

Как Гейнц может говорить так спокойно и равнодушно?! Он не понимает? Да, наверное, не понимает. Для него я – дочь Первого, но я – дочь Кармелиты! И как мне теперь её называть? По имени? Мачеха? Но отца я и так только по имени называла, а мама... Да кто мне Майя? Никто! А маму я помню. У неё тёплые руки, она даёт мне соевое молоко на ночь, и обнимает, когда я разбиваю коленки, и поёт колыбельную... Я даже слова помню, кажется. У мамы грустный голос, но в нём столько тепла и любви...

Luna quieres ser madre,
Y no encuentras querer
Que te haga mujer,
Dime luna de plata
Qué pretendes hacer
Con un niño de piel?..⁷

– Видимо, у «люльки» истощился ресурс. Мы не очень понимаем, как это работает, но в таком случае она начинает генерировать некое... излучение. И любая женщина детородного возраста, попавшая в... поле захвата артефакта, сможет открыть «люльку» и забрать ребёнка, считая его своим.

– А... отец? Что думает отец?

– А вот тут данных нет.

Зато у меня есть.

⁷ Циркадные (циркадианные) ритмы (от лат. *circa* «около, кругом» + *dies* «день») — циклические колебания интенсивности биологических процессов, связанные со сменой дня и ночи. Это своего рода «биологические часы» человека, управляющие метаболическими процессами.

Для такого отца ребёнок становится подкидышем, а жена – безумной. Именно поэтому он ненавидел меня.

Именно поэтому мой отец убил мою маму.

Нет. Отчим убил мою мачеху.

Но почему он не сказал? Почему, если так, он не сказал мне?!

Я не понимала.

Ладно, мама думала, что я её дочь. Но Мигель? Раз он меня ненавидел, раз ему нравилось делать мне больно, почему он не сказал?!

И... Мама Бонита. Она должна была знать. Да нет, она знала, точно знала! И тоже не говорила.

Она врала мне. Даже она.

Они все мне врал! Всю жизнь.

Вся моя жизнь была враньём.

А Тим? Он тоже врёт?

Почему-то тяжело дышать, как будто что-то вот-вот лопнет в груди.

Хочется закричать, завизжать, расцарапать лицо, но вместо этого я спрашиваю:

– Откуда вы узнали? Про то, что случилось с Марком?

Пётр Иванович внимательно смотрит на меня, лезет в стол и достаёт чёрно-золотой диск, к которому совершенно кустарно прилеплен стандартный комм-разъём. Он протягивает диск мне, и я уже заранее знаю, что он скажет:

– Только послушайте его дома.

– Нет. Сейчас.

Пётр Иванович со вздохом поворачивает ко мне экран комм.

– Тогда возьмите наушники.

Они все отошли, чтобы не видеть экран. И Тим тоже. А я только с четвертого, что ли, раза этот самый диск смогла подключить. Почему-то всё время промахивалась. И так пусто вокруг...

– Крошка моя, маленькая, любимая. Прости меня, пожалуйста. Прости, – я понимаю, что Майя стоит на коленях, надиктовывая запись. Она уже не сказочная красавица, у неё распухли глаза и покраснел нос, а слёзы всё льются и льются по щекам и собираются в капли на подбородке. – Мы думали, у нас получится. Мы так хотели дать тебе дом, чудесный, сказочный дом. Правда, там нет моря, но это не главное. Главное, что М... М-марк, твой отец, он... Крошка моя, он самый лучший мужчина на свете... Я не знала, что так бывает. Что возможно такое счастье. И он тоже был счастлив. И так рад, когда узнал, что ты появишься на свет... Я люблю вас, так люблю... Прости, что оставляю. Это на время, правда. Я заберу твоего отца и вернусь за тобой. Честное слово. Но если что – вот стандартные координаты. Это опасное место, только потому я тебя оставляю, но я вернусь, правда... Твой отец будет там. И этот проклятый артефакт тоже будет там. Я ненавижу его, ненавижу!.. Марк, он... думал, что снял защиту, и... Маленькая моя... Мне не нужны никакие сокровища Древних, я так хочу, чтобы он был с нами! Чтобы мы были вместе. Ты, я и твой папа... Спи сладко, красавица моя. Я вернусь за тобой, обещаю. Да хранит тебя Великая Мать в своей колыбели...

Запись оборвалась.

Она не вернулась. Обещала – и не вернулась.

Она тоже обманула меня.

Марк Гомаро пережил Сумерки и погиб, доставая какую-то непонятную... хрень.

Мой отчим убил мою мачеху. А потом его полоснули ножом по горлу.

Мама Бонита так и не сказала мне правду.

У меня не осталось родителей. Ни родных, ни приёмных.

Всё вокруг было хрупким и звонким, как из тонкого-тонкого стекла, и надо было двигаться очень осторожно, чтобы ничего не разбить. Нет, вокруг просто ничего не было. Это я – пустая и хрупкая, это я ломаюсь, развалюсь на кусочки, если позволю себе закричать, сделать хоть один лишний жест или движение. Поэтому я отключила диск и положила на стол. И пошла к дверям. Я не знала, куда иду. Просто – отсюда.

– Инге... – начал Пётр Иванович, а Тим оказался передо мной, заступив дорогу. Я попыталась его обойти, потом оттолкнуть, потом вырваться, потому что Тим прижал меня к груди и не отпускал. А когда я поняла, что мне не освободиться, что Тим будет держать меня и не отпустит, что бы ни случилось, что мир может развалиться на части, а Тим будет рядом и не даст мне упасть... Когда я поняла всё это, то, что давило в груди и мешало дышать, наконец-то лопнуло. И я заплакала. Вернее, зарыдала. Тим обнял меня, я вцепилась ему в рубашку, а потом кто-то ещё положил руку мне на плечо, и я поняла, что это Пётр Иванович, и Ганс и даже доктор вроде бы тоже оказались рядом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.